

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЦЕЛИТЕЛЬ

Союз нерушимый?

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Героическая фантастика

Валерий Большаков

Целитель. Союз нерушимый?

«Махров»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Целитель. Союз нерушимый? / В. П. Большаков — «Махров»,
2020 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-109940-4

Продолжение романа «Целитель. Спасти СССР!». Инженер-программист Михаил Гарин дожил до шестидесяти лет, стал дедом – и «попал»! Ему снова шестнадцать, а на дворе – 1975 год. Можно вволю объедаться натуральными продуктами, поражать знаниями учителей и целоваться с юными одноклассницами. Но у Миши есть план – он должен спасти СССР, больше никому! У него нет с собой ноутбука, чтобы показать товарищу Брежневу, что станется с Советским Союзом, но есть феноменальная память! И... таинственный дар исцелять, добиваясь выздоровления там, где медицина бессильна. Хватит ли этого, чтобы вытащить страну из глубокой ямы застоя, уберечь от распада, от «бандитских девяностых», снова сделать Союз лидером мирового технического прогресса?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109940-4

© Большаков В. П., 2020
© Махров, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Валерий Большаков

Целитель. Союз нерушимый?

© Большаков В.П., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Новый год – это быстрый промельк. Сверкнет риска циферблата, стрелки сойдутся ножицами на двенадцати, отсекая старый год, – и первые секунды семьдесят пятого запульсируют в сердечном биении.

Заняв полдивана, я расслабленно улыбался, следя за праздничной суетой. Верхний свет в зале притушен – пусть ярче сияют фонарики на елке, роняя дрожащие блики на дутые шары, на стеклянные гирлянды, на мерцающий «дождик». По потолку бродят разноцветные сполохи, колючую верхушку венчает сияние рубиновой звезды, а по углам шушукуются тени, выставляя напоказ волшебство и тайну.

Самый воздух пропитался новогодней ночью – веяло хвоей, мандаринами, чуть-чуть припахивало острым дымком бенгальских свечей. Конфетти из отстрелянных хлопушек пестрело повсюду, добавляя празднеству нотку озорной бесшабашности.

Родители рано вернулись с работы, но от коллектива не отрывались, успели-таки со всеми «отметить». Взгляды у обоих замаслились, папа жарко убеждал маму, что кокетливый передничек очень идет к ее вечернему платью, и лез целоваться, а та увертывалась, смеялась или делала большие глаза – ну не при детях же!

Мне было хорошо в эту сказочную зимнюю ночь, словно я оставил в семьдесят четвертом все свои страхи и беспокойства. Душа, заново проигрывая былые детские ожидания, заряжалась надеждой. От высверков елочных игрушек крепла робкая вера, а где-то на смутных горизонтах сознания как будто развиднелось – занималась любовь, пока еще безымянная, но влекущая до озноба.

Настя приоткрыла дверь на балкон, чтобы впустить свежий воздух, и в морозной темноте затлели два зеленых фосфорических кругляша. Коротко мяукнув, соседский кот метнулся в тепло полосатой молнией. Распушив холодную шерстку, пропахший снегом котяра запрыгнул ко мне на диван. Бухнулся рядом и басисто замурчал. Сестренка подседа с другого боку, не решаясь прильнуть. Тогда я сам обнял ее и повлек к себе. «Киска ты моя маленькая!» – подумал ласково, вспоминая внучку – я ее так называл, когда она не шкодила. Настя повозилась, прижимаясь теснее, и затихла.

В эти долгие, утекающие минуты кануна я жил ощущениями, отложив мысли на потом, как тот скряга, что устает перебирать золотишко и усаживается в резное кресло перед камином. Нелюдимый, крючконосый, с длинными седыми волосами, он бездумно глядит на извивы пламени, на теплые тени, перебегающие по стенам. В его темных, глубоко запавших глазах отражается огонь, а он прихлебывает из кубка пахучий глинтвейн, приятно мутящий рассудок, да крикает в доvole.

Порой я сам себе напоминаю такого вот скупца, что носится со своим драгоценным послезнанием как дурак с писаной торбой...

«Кабачок “13 стульев»” закончился, когда семейство Гариных дружно провожало год уходящий, а ровно за пять минут до полуночи к нам обратился Брежнев: «Дорогие соотечественники! Дорогие товарищи и друзья! Идут последние минуты тысяча девятьсот семьдесят четвертого года...»

Папа быстренько открыл шампанское, нам с Настей плеснули ситро, и мы, стоя, с радостным нетерпением внимали генсеку.

«С Новым годом, с новым счастьем, дорогие товарищи!»

Торжественно, с отяжечкой, с набатным отгулом ударили куранты. Вчетвером повели мы счет размеренному бою – и вот сошлись бокалы! Тринадцатым ударом поплыл колкий хрустальный звон. Защипали язык, лопааясь на губах, сладенькие пузырьки.

«С Новым годом!»

Начался «Голубой огонек», но спокойно досмотреть, как Авдотья Никитична визгливо смеется над жеманной Вероникой Маврикиевной, не удалось – весь подъезд гудел от топота и радостного ора. Люди сновали с этажа на этаж, делясь закусками, выпивкой и настроением. Ага, вот и от нашей двери понеслись заполошные звонки – соседи пришли поздравлять. Ворвались хохочущей, хмельной толпой, и сразу стало тесно, жарко, шумно, весело...

...Утром 1-го января в городе стояла тишина – народ отсыпался. Кто не на смене, у тех выходной, а завтра на работу. Одинокий ветерок завивал поземку, мешая снег с конфетти, катал со скуки бумажные стаканчики, путал ленточки серпантина.

Тусклая серая заря бесцеремонно забралась ко мне в комнату, высвечивая малогабаритное помещение. Под напором грубой яви, данной в ощущениях, истаяли лукавые тени.

«Ну и пусть, подумаешь! – думал я, ворочаясь в теплой постели. – Что мне какой-то Новый год – я жизнь проживаю заново! Сяду сегодня в скорый Одесса – Москва... с романтическим названием «Белая акация»... – Я растягивал мысль, предвкушая утеху движения, отраду долгого пути. – И уже завтра сойду на Киевском вокзале!»

...А послезавтра все мои тревоги вернулись ко мне, вселились в голову заново, как пчелы слетаются в улей, и отняли покой.

Глава 1

Пятница, 3 января 1975 года, ближе к вечеру Москва, Москворецкая набережная

Немного тяжеловесная, зато основательная, гостиница «Россия» широко и вольно раскинулась на берегу Москвы-реки. Устремляя к небесной хмари Северную башню, она высилась, подобно новомодному замку, к стенам которого жалась ветхая старина Зарядья.

На заднем плане каменели стены Кремля, к гостиничному фасаду лепилась крохотная церквушка с шапками искрящегося снега на куполках... Картинка!

– Мой номер где-то во-он там, на четвертом этаже, – я некультурно показал пальцем.

Сощурившись, Марина оглядела громадное здание, склонив голову к плечу. Черный локон выбился из-под шапочки и щекотал девичью щечку, из-за чего «скво» забавно морщилась.

– Хорошо устроился! – улыбнулась она, поиграв ямочками на щечках.

– Да уж... – вздохнул я, косясь на девушку.

Опять у меня настроение испортилось. Исаева выглядела просто великолепно. Стройная, длинноногая, она не шла, а дефилировала в манере кинодивы на красной дорожке в Каннах.

Я затрудненно вздохнул. Девушка шагала бок о бок, держа меня под руку, ее модная дубленка и моя куртка шуршали, касаясь полами. Сарказм судьбы!

Мне, «настоящему» Михаилу Петровичу Гарину, пошел шестьдесят первый год, а моему реципиенту – шестнадцать с копейками. И старому, и малому нечего было даже думать о Марине – для Михаила Петровича она слишком уж молода, а для юного Миши – в точности наоборот. Марина Теодоровна старше его на целых семь лет! Для подростка это чуть ли не геологическая эпоха... «Печален ты, отроческий удел!»

Словно вызнав мои унылые раздумья, «скво» прижалась крепче.

– Куда, интересно, Ершов пропал? – озвучила она свои переживания. – И что, вообще, будет? Если он расскажет обо всем...

Не договорив, девушка вздохнула и зябко поежилась. Я покосился на ее распахнутую шубку, открывавшую свитерок с люрексом и длинный вязаный шарф. Да нет, Марине не холодно – ветер стих, а солнце, хоть и садится, все равно чуток пригревает, даже с земли засвечивает, отражаясь от чистеньких сугробов, белеющих впросинь.

– Волнуешься? – проворчал я.

– Нервничаю, – уточнила «скво». – Когда ты его... мм... оперировал, меня всю колотило – Ершов стал совсем-совсем другим...

Теперь уж мне впору ежиться. Утренняя «операция на сознании» до сих пор не отпускала меня, держалась как стойкое наваждение. Первый раз в жизни я лечил не телесную хворь, а душевную – «ампутировал» избыток эгоизма, «реанимировал» совесть, «санировал» чувство долга. Стоит мне зажмуриться – и перед глазами то мерцает, то меркнет запутанная, чудовищной сложности трехмерная паутина – нейронные связи в мозгу Ершова. И надо было очень точно, очень осторожно направлять руками мою, никому не понятную энергию, фокусировать ее, истончая в игольчатый лучик... А у меня ладони потели от страха!

Там ведь все такое мелкое, мельчайшее, микроскопическое! Ошибешься на миллиметр – и необратимо изменишь личность... искалечишь... превратишь в овощ... погубишь...

Тут меня будто морозцем протянуло.

«А ведь Марина тогда рядом была... – мелькает в голове. Я бросил взгляд на гордый профиль спутницы и потупился. – Сидела и лупала глазами, пока я смердевшее козлице в образе Гришки Ершова кротким агнцем делал... И каково ей теперь? Шагать под ручку с милашкой Волдеморт!»

– Не стоило мне заниматься Ершовым при тебе, – промямлил я. – Просто цейтнот полный случился, надо было успеть, пока он в отключке валялся...

– Все ты правильно сделал! – убежденно сказала Марина. – Так и надо было! – Она обняла мою руку, легонько повисая. – А-а... – протянула девушка ласково, заглядывая мне в лицо. – Я поняла! Думаешь, я теперь бояться тебя стану? Нетушки!

– Не забоишься? – улыбнулся я, не столько с облегчением, сколько испытывая радость понимания.

– Ни за что! Так нам не надо опасаться Ершова?

«Нам! – подумал я с нежностью. – Ох, Маринка, как же легко с тобою заработать «сердечный укол»...»

– Не знаю, – сказал честно. – Вроде бы не надо, но... Давай лучше подождем, когда он объявится?

– Давай! – легко согласилась «скво». – Ой, а мы же еще на Красной площади не были! Потопали?

– Потопали! – ответил я, чуя, как теплеет на душе, словно от хорошей порции коньяка.

Мы поднялись к храму Василия Блаженного, похожему на пышный торт, и по дороге даже словом не перемолвились. Просто шли рядом, никуда не торопясь, и молчали. И нам было хорошо.

Мне пришло в голову, что в безгласности нашей крылся невинный умысел – мы оба, не сговариваясь, отдаляли момент истины, берегли всю ту недосказанность, от которой происходят туманные надежды.

Пока не заданы вопросы и не получены ответы, ты находишься в счастливом неведении, волен мечтать или даже строить планы. Но, как только наступает определенность в отношениях, вся романтика испаряется, как роса на солнцепеке. Вот я и соблюдал режим тишины. Первой его нарушила Марина.

– Ни Лондону, ни Парижу с Вашингтоном даже не снился такой державный вид, сдержанно-горделивый и величавый, – проговорила она доверительно, оборачиваясь к Кремлю. – Правда?

– Правда, – кивнул я, охватывая зрением и Спасскую башню, и Мавзолей, и купол, над которым полоскал алый стяг.

Я даже вздохнул от тайного удовольствия. Жаль, что всю ту приятность, что я испытывал, гуляя по Москве, Марина была не в силах ощутить. Она жила здесь, в этом прекрасном городе, и даже представить себе не могла, до чего испакостят столицу нашей Родины двадцать лет спустя.

Так и тянет глаголить в манере библейского пророка: «И оболганы будут герои истинные, а изменники да клеветники восславлены; и станет единое не целым, и малое посягнет на великое; и призовут бесов, и почнут нечестивые чад наших научать, что долг есть бремя, а корысть выше правды...»

Но о том, что пророчество сие сбудется, известно лишь одному человеку – мне, а для прочих грядущее скрыто феерическим маревом. Здесь о «прекрасном далёко» мечтают, сочиняют хорошие книги, с их страниц отправляются в бесконечность звездолеты, приурочивая свой старт к столетию Великого Октября... Вот, пусть всё так и останется!

А мне надо как-то исхитриться, да хоть наизнанку вывернуться, лишь бы спасти Советский Союз от поругания, не отдать народное хозяйство на поток и разграбление помещикам с капиталистами!

Я брезгливо передернул плечами, словно что-то гадостное, липкое и смердящее натекло из будущего.

– Замерз? – спросила Марина заботливо. – Пошли быстрее, согреемся!

Мы зашагали шустрее, сворачивая на улицу 25 Октября, а вокруг поспешали такие же, как мы, граждане СССР, торопясь с работы домой, – озабоченные или благодушные, с солидными министерскими портфелями или с авоськами, оттянутыми молочными тетрадрами, кульками с сосисками, румяными нарезными батонами...

Москва радовала меня возвращением былого, не порушенного под улюлюканье «вечных двух процентов дерьма».

– Мне пора, Миша, – неожиданно молвила Марина. В ее голосе прозвучали сожаление и виноватость.

– Куда это? – не понял я, выпутываясь из тенет размышлений. – Домой?

– На работу, – кривовато усмехнулась девушка, – Росите пора на службу. Кончился мой куцый отпуск...

– Меня ловить будешь? – ляпнул я.

– Ага... – вздохнула Росита.

– Беденькая... – пробормотал я, ощущая в Марине легкую подавленность. – Представляю, как тебе трудно бывает...

– Да ладно! – беззаботно махнула рукой эта притвора и делано всполошилась: – Слушай, чуть не забыла! Надо же как-то условиться насчет связи!

– Надо, – согласился я, прикидывая, как мне развеселить девушку. – Давай так: если мне приспичит срочно увидеться, то позвоню и скажу... – я заговорил дребезжащим старушечьим голосом: – Доченька, это собес?

«Скво» рассмеялась.

– Так похоже! А номер ты помнишь?

– Я ничего не забываю.

Сторонясь прохожих, мы обговорили все детали – и затихли, переживая томительную паузу. Когда наши взгляды сошлись, как метки в коллиматорном прицеле, я первым потянулся к Марине. Она была чуть выше ростом, да еще в сапожках на каблуках, поэтому склонила голову, чтобы поцеловать меня – и долго не отрывала губ.

– Пока, Мишечка! – чуть задыхаясь, Росита отступила, вскидывая руку и перебирая пальчиками в жесте прощания. Улыбнулась, затушевывая непокой в глазах, и поспешила к метро.

– Пока, – обронил я, провожая глазами гибкую фигурку.

А пульс-то частит... Да это ерунда, выбрыки растущего организма. Главное, чтобы у Маринки все хорошо было, а то погонят из КГБ, невзирая на заслуги, еще и «аморалку» к делу подошьют, за наш с нею запретный «роман»...

Шагая будто по инерции, я вышел к площади Дзержинского. Рассеянно оглядел здание КГБ, пока еще асимметричное¹, и порадовался, что «Железный Феликс» на своем законном месте – стоит в гордом одиночестве посреди площади, как ось колеса, закручивая вокруг себя поток машин. Я даже остановился на минутку, словно наглядеться не мог на творение Вучетича, которое всего семнадцать лет спустя «декоммунизируют» либералишки из «Мемориала», достойные представители цивилизованного варварства.

Семнадцать лет... Так мало!

«Вот тебе и срок для истинной перестройки, – внушил я себе, задавливая амурные бредни. – Надо будет управиться за три пятилетки, иначе «креативное быдло», все эти холопы-добровольцы, снова устроят свои радения вокруг соловецкой каменюки. Вони будет...»

– Не будет, – выщедил я вслух, и оглянулся: никто не слышал?

¹ Реконструкция начнется лишь в 1983 году.

Когда я вернулся в гостиницу, Москву накрывали сумерки, пронзительно синие и морозные. В потемках калились звезды на башнях Кремля, а улицы превратились в реки света, плещущие в темных ущельях зданий. По ним сплавлялись машины, бликуя лакированными боками и разжигая красные огни. Сдержанный гул огромного города вливался в приоткрытое окно – свежий воздух бодрил, а шум не давал утомиться, мешал приводить мысли в порядок.

Я прикрыл створку и оперся о подоконник, бездумно глядя на вечернюю Москву, на глазах обращающуюся в ночную.

Хороший город. Особенно сейчас, в невинном и наивном 75-м.

Ни пробок, ни путан, ни назойливой рекламы. Зато чисто и спокойно – можно прогуляться по темноте и не нарваться на уголовный элемент. «Моя милиция меня бережет!»

Вздыхнув, я прижался лбом к холодному стеклу и закрыл глаза.

Облизнул губы, ощущая легчайшее послевкусие Маринкиной помады. Не пойму до сих пор, что же нас связывает. «Скво» испытывает ко мне благодарность за свое спасение? И все? Марина сказала сегодня, что соскучилась, и это правда – меня не обманешь, я чувствую ложь лучше всякого полиграфа. Понять бы, кто я для нее – друг или невинное увлечение? Или не слишком невинное?..

«Хм. А почему ты все время копаешься в Маринкиных чувствах? – подумал я осуждающе. – Сам-то как? Кто эта девушка для тебя? Что, завис?»

Досадливо поморщившись, я даже головой тряхнул – не о том думаешь, Хилер! Ты окружен, тебе сели на хвост спецы из 7-го управления КГБ, а от этих ребят не спрячешься, найдут. Так виртуозно вести наружное наблюдение, как они, не умеют ни в одной спецслужбе мира. Заметить «наружку» можно лишь в одном случае – когда профи из «семерки» сами захотят «проявиться», выдать себя, чтобы объект наблюдения задержался, стал нервничать и совершать ошибки. И что мне делать?

Я подышал на стекло. Оно запотело, туманя московский пейзаж, а мой палец вывел вопросительный знак.

Мне срочно нужен патрон. Покровитель из Политбюро, который станет моей «крышей». Я ему здоровье, а он мне – свободу и безопасность. Взаимовыгодный обмен.

Да и не в свободе дело, и даже не в безопасности. Это же моя цель – выйти хоть на кого-то из руководителей партии и правительства! Так мы с Леночкой и планировали – там, в далеком, почти сновидном две тыщи восемнадцатом году. Втереться в доверие, и я даже догадываюсь, к кому именно, а дальше...

Заскрежетал ключ, хлопнула дверь, и все мои мысли разбежались, как мышки, узревшие кота.

– Миша! – воззвал Данилин. – Ты чего в темноте сидишь? Спишь, что ли?

– Думаю, Антон Гаврилович, – откликнулся я.

Куратор вкатился жизнерадостным коlobком, довольно потирая руки. Этот комсомольский деятель избрал оригинальную стратегию для карьерного роста – он, как рыба-прилипала, цеплялся к «перспективному» умельцу и следовал за ним, попутно засвечиваясь в высших сферах.

Да я и не против, Данилин приносил мне пользу, освобождая от казенщины – все заботы он брал на себя и неплохо с этим справлялся. Вон, выбил нам полулюкс в «России»! Я, признаться, не рассчитывал даже на номер в «Золотом колесе», где останавливались труженики сельского хозяйства.

Нещадно фальшивя, Антон Гаврилович задудел: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», резко оборвал музицирование и подкатил ко мне.

– Все оч-чень, оч-чень хорошо складывается, Миша, – возбужденно затараторил Данилин. – Революй Михайлович в полном восторге от этих твоих программ и трижды мне наказал, чтобы ты послезавтра никуда не отлучался до обеда – он сам заедет за тобой! Ущучил?

– Понял! – заверил я куратора, делая ударение на втором слоге.

– Проникся?

– Осознал!

– Тогда за мной, комсомол! – Антон Гаврилович встал в позу Ленина, указующего верный путь.

– Куда?

– У-ужинать, комсомол, у-ужина-ать! – пропел куратор. – Да оставь ты в покое куртку, ресторан в южном корпусе!

Мы покинули номер и зашагали в ногу.

Суббота, 4 января 1975 года, утро Первомайск, улица Мичурина

Половину ночи Марина провела в дороге, поэтому с утра была вялой и сильно не в духе. А тут еще коллеги из «семерки» убедили начальство переменить место обитания всей группы – после долгих поисков обосновались в большом доме на Мичурина, тихой «старорежимной» улочке, где, мерещилось, не только часы отстали, но и календарь.

Дорога выглядела подметенной и хорошенько пропылесошенной – ни снежинки, только под заборами наметы.

Ограды из замшелого плитняка едва удерживали старые, буйно разросшиеся черешни и шелковицы, а под ногами выгибали гладкие спинки булыжники мостовой.

«Если сейчас выедет какой-нибудь фиакр или пролетка, – подумала девушка, направляясь к нужному дому, – я не удивлюсь!»

Она внимательно оглядела палисад, увитый засохшим плющом. Точка подходящая – дремучий вишенник даже зимой скрывал перемещения за путаницей ветвей, да и не в меру любопытных соседей рядом не проживало. Вот только добираться сюда пришлось ножками – никто старшего лейтенанта Исаеву на вокзале не встретил и не подвез. Называется: «Не ждали».

Толкнув жалобно скрипнувшую калитку, Марина прошла в обширный двор, где тяжело распливались два дома из темного «дореволюционного» кирпича – один с высоким крыльцом, другой с просторной верандой, – а с краю тулилась скромная летняя кухня.

Снега лежало по колено, но бравые товарищи офицеры расчистили дорожки, докопавшись до сухой бурой травки.

И тишина...

Девушка кашлянула, лишь бы нарушить «белое безмолвие», и решительно зашагала к дощатой веранде, обитой резными плашками. Веранду заплетали, словно лианы в джунглях, толстые, крученые лозы винограда. Летом в ней, наверное, зеленая тень стоит, как под водой, да такая густая, что свет приходится включать.

За окном в мелкую расстекловку смутно проглядывал курящий мужчина. Вот его доселе плавные движения обрели порывистость – спохватился, видать, вспомнил о хороших манерах – и открыл Марине дверь. Задавив мгновенный испуг, Росита нацепила маску холодного высокомерия – на пороге стоял Ершов.

В чистеньком костюмчике, в наглаженной рубашке, при галстукке, Григорий будто с подиума сошел после показа мод. Чисто выбрит, надушен, а лицо бледное, осунувшееся. Глаза красные, под ними мешки, во взгляде тоска...

Марине даже жалко стало этого гуляку и повесу, реально замученного совестью. Наверное, стыд и нравственные заповеди живы во всяком человеке, даже в последнем мерзавце, только не в каждом они просыпаются, загнанные в отдаленный закуток души, на самое ее

доньшко. А что выйдет, если их разбудить? Живой ответ стоял перед девушкой, одновременно радуясь и робея.

– Здравствуй, – сказал Григорий с запинкой, словно сомневаясь в своем праве «тыкать».

– Привет, Ершов. – Исаева пристально посмотрела на него.

– Я ничего никому не рассказал, – поспешно заговорил ее визави, – ни о Михаиле, ни о тебе!

– Молодец, – серьезно похвалила Марина, чувствуя, как ее отпускает беспокойство. – Я понимаю, что это некрасиво выглядит по отношению к ребятам, но... так надо.

– Что скажешь, то я и буду делать! – торопливо закивал Ершов.

– Это не моя тайна, Григорий, – строго сказала Исаева, сделав над собою усилие и называя недавнего вражину по имени, – скоро все откроется. Может, уже этой весной, не знаю. Ты заходил к Евгению Ивановичу?²

– Да-да, конечно! Я сразу, как ушел... от тебя, баньку истопил на даче, помылся, побрился, нагладил – и к нему. Меня уже искали, оказывается... Ну, я Евгению Иванычу все и выложил: хотел, дескать, пролезть в нелегалы, а Калугин обещал в этом посодействовать. И я, как сексот, передал сведения... ну, что проверяют его на измену. Только об этом! А Евгений Иваныч и говорит: «Калугина убили в Первомайске. Надо полагать, Хилер и кокнул. Только как генерал смог выйти на него?»

– А ты что? – снова напряглась Марина.

– А я руками развожу – понятия, мол, не имею! – тон у Ершова стал капельку свободней. – Наверное, говорю, у Калугина были свои контакты. Или американцы подсказали... Евгений Иваныч покивал только, и все. Ну, потом он мне втык ха-ароший дал. Я, говорит, должен доверять своим людям, но смогу ли я доверять тебе?

– И как, сможет? – мягко спросила девушка.

– Да, – коротко и серьезно ответил Ершов.

Скользнув по нему взглядом, Марина кивнула и прошла в дом. Ребята и девчата из 7-го управления сильно потеснили ее группу, но комнат хватало, а самую большую отдали под штаб.

Сейчас помещение и впрямь приняло черты фронтowego штарма³ – две девушки стучали по клавишам пишмашинок, будто наперегонки печатая документы, в углу мигала и пищала большая армейская радиостанция, а на монументальном письменном столе, время от времени просыпаясь, шипели рации милицейского образца: «Докладывает Два-три-пятый. Объект движется по Одесской в сторону рынка. Берем в «вилку». Прием». – «Два-три-семь – Два-три-пятому. Будьте осторожны. Как поняли? Прием». – «Вас понял, Два-три-семь. Конец связи».

На стене висела большая карта Николаевской области и потрепанный план Первомайска, истыканный булавками-флажками. Некоторые районы города дежурные тщательно заштриховали красным карандашом – проверено, Михи нет.

Марина нахохлилась. Неласковая усмешка заиграла на ее губах с ямочками в уголках рта. Росита тут же стерла улыбочку, поймав цепкий взгляд Олейника, начальника областного УКГБ.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – четко сказала она.

– И вам не хворать, товарищ старший лейтенант, – ухмыльнулся полковник. – Шо, не верите в нашу окончательную победу?

– Победа будет за нами, – спокойно проговорила Исаева, – вот только приблизят ли ее поиски? Что-то мне не верится!

² Е. И. Первенцев, начальник 7-го отдела Второго главного управления КГБ. ВГУ отвечало за контрразведку, а его 7-й отдел занимался контрразведкой на канале кратковременного пребывания иностранцев в СССР.

³ Ш т а р м (воен. жарг.) – штаб армии.

– Возможно, – неожиданно легко согласился Олейник. – А шо еще, кроме заряда пессимизма, вы привезли нам из Москвы?

– Идею.

– Подбросьте!

Марина сняла дубленку и пристроила ее на старую вешалку.

– Я подумала, что мы зря тратим время, выслеживая неизвестно кого, – энергично заговорила она, поправляя прическу. – Наблюдаем за подозрительными, ведем их, а в итоге все зря. Между тем в Первомайске орудуют агенты Моссада, их тут трое или четверо, и двоих из них наши уже как будто вычислили...

– Одного, Мариночка, – извиняющимся тоном вмешался седой аналитик, прогоняя сон с помощью крепчайшего чая, заваренного в огромной кружке. – След второго мы потеряли, матерый иудей попался.

– Ну пусть одного! Василий Федорович, я что предлагаю... – Исаева взяла паузу, облекая голую идею в слова. – Давайте пока оставим нудное прочесывание школ, техникумов и прочих училищ. Сосредоточимся на поиске моссадовцев. Только чтоб никаких арестов и «прямых действий»! Они же тоже выслеживают Миху? Ну вот! А мы будем следить за ними.

– И агенты Моссада приведут нас к объекту, – заключил полковник. – Недурно. Принимается. «Семерку» мы переключим на матерых иудеев, а вы, товарищ старший лейтенант, продолжайте нудное прочесывание.

– Есть, – вздохнула Марина.

Тот же день, позднее утро Москва, госдача «Сосновка-1»

– Ну, ни пуха! – бодро сказал Данилин, провожая меня.

Запахнув телеса в махровый халат, он возбужденно перебирал босыми волосатыми ногами, будто приплясывая.

– К черту! – бросил я через плечо, толкая тяжелую лакированную створку. Выскочил в коридор и притворил ее за собой – замок звучно лязгнул, словно зубами клацая.

«Ура! Свобода!» – обдало меня великолепным ощущением детского торжества.

«Мам, я погуляю!» – кричишь ты скороговоркой и быстро, пока родители не опомнились, захлопываешь дверь, оставляя за нею папину строгость, мамину заботу – и недоделанные уроки. Заходясь от восторга, ссыпаешься по лестнице, прыгая через три ступеньки – и вырываешься во двор, на улицу, где распахиваются необъятные просторы Большого Мира...

Ковровая дорожка глушила шаги, и я припустил к лифтам бегом – десять скоро, Революий Михайлович обещал вот-вот подъехать. Лучше обождать, чем опоздать!

У выхода в холл я солидно притормозил. Представительный дедок в кашемировом пальто, терпеливо ожидавший лифта, глянул на меня снисходительно: эх, молодость...

Отдаленный гул лифтовой кабины стал слышнее. Грюкнуло, звякнуло, и дверцы разошлись, выпуская целую толпу смуглых южан, обвешанных тюками и расшитыми сумками, галдящих на всех наречиях солнечного Узбекистана.

Когда мы с дедком спустились вниз, то сразу окунулись в те же гомон и бестолковую суету – в Москву понаехали делегации какого-то очередного съезда или слета. Маневрируя в разгоряченной толпе, увертываясь от пухлых чемоданов, я выбрался на улицу. Глотнул свежего воздуха и покрутил головой, высматривая зеленые цифры на табло. Десять ноль-ноль.

Революий Михайлович слово сдержал – подкатила новенькая «Волга», блестя черным лаком и сверкая хромом. Генерал сам сидел за рулем – переодетый в штатское, он выглядел почти по-домашнему. Этаким начальник среднего звена, уже в возрасте.

Провожаемый завистливыми взглядами делегатов, я плюхнулся на место рядом с водителем, окунаясь в запахи тисненой кожи и дорогого табака. Весело улыбнувшись, Суслов протянул мне руку, и я ее крепко пожал.

– Очень рад вас видеть, Миша! – сказал он с настроением. – Если позволите, я вас похищу и увезу!

– Похищайте, – махнул я рукой, расслабленно откидываясь на спинку.

Революй Михайлович коротко хохотнул и тронул машину с места, потихоньку разгоняясь. Было заметно, что он наслаждается ездой, самим владением машиной – это была единственная роскошь, которую позволил ему всеильный отец.

Поглядывая в зеркальца, вертя головой, генерал на секундочку снял руку с баранки и ткнул большим пальцем себе за спину:

– В багажнике у меня ваша микроЭВМ⁴ и... еще один «Коминтерн». Мы его только наполовину собрали, не успели просто. Хотели оставить себе, а прототип вернуть. Ну я уж не стал дожидаться понедельника, решил вот вас поэксплуатировать!

Похоже, генерал обращал в шутку свои извинения – в его веселом голосе проскальзывала неуверенность.

– Дособирать? – ввернул я перл. – Да не вопрос! Было бы из чего.

– Все есть! – с забавной гордостью сказал Революй Михайлович и мягко добавил газку. – Целый ящик!

Движок зафырчал с металлическим призвуком, а я малость заностальгировал – когда сдавал на права в девяностых, мучил именно «ГАЗ-24», судорожно тиская руль и нещадно паля сцепление...

– Программы – вот что главное! – Переключив передачу, генерал поднял руку, указуя пальцем вверх. – А они просто чудо!

– Не смущайте меня, – ухмыльнулся я, и Суслов захохотал. – Моего личного участия в этом чуде не так уж и много, просто довел до ума кое-какой софт, как американцы выражаются. Но все равно приятно. Хотя, если честно, программирование – это самое легкое, Революй Михайлович. Не верите? Да правда! Сейчас надо решать задачку посложнее: как использовать эти мои чудо-программы, как их распространить, чтобы они заработали по-настоящему?

– Мысли есть? – деловито спросил директор ЦНИИРЭС.

Я важно кивнул, подпуская в свой чересчур взрослый образ немного нарочитой детскости.

– Нужно срочно выпускать гибкие магнитные диски... – начал я вдумчиво, лапая справа ремень безопасности – и тут же вспоминая, что на «Волгах» он появится лишь два года спустя. – Э-э... чтобы записывать на них готовые программы. Ну и раздавать спецам.

– Шугарт из Ай-би-эм вроде предлагал восьмидюймовый ГМД⁵, – заметил генерал.

– Я в курсе, – солидно сказал я, – но диск в три с половиной дюйма выйдет куда удобней.

– Это... вот столько? – Революй Михайлович развел пальцы.

– Около того, – кивнул я. – Сам ГМД запихнуть в жесткий пластмассовый корпус и приделать такую металлическую втулку с установочным... установочной дыркой. Накопитель захватит втулку – и по этой проймочке правильно выставит диск.

– Ага... – протянул генерал, соображая. – Ага... Тогда не надо делать отверстий в самом ГМД.

– Так именно! – с жаром воскликнул я.

⁴ Термином микроЭВМ советские инженеры обозначали персональные компьютеры.

⁵ Так называли дискету в отечественных разработках, а дисковод именовался НГМД – накопитель гибких магнитных дисков.

Мы с чувством, с толком, с расстановкой обсудили конструкцию дискеты, а «Волга» тем временем выскочила на Рублевское шоссе, промчалась с ветерком и, не доезжая до МКАДа, свернула к госдаче Михаила Андреевича Сулова.

Меня, привыкшего к помпезным дворцам и безвкусным замкам на Рублевке, «Сосновка-1» ничем особенным не поразила. Обычная дача, добротный дом в два этажа, срубленный еще до войны. Зато воздух тут – не надышишься. Настоянный на хвое вековых сосен, с резковатым снежным привкусом, он лился в грудь свежо и обильно.

– Мы тут с женой все лето живем, – оживленно сказал Революй Михайлович, выходя из машины, – а зимой только по выходным наезжаем. Дима, привет!

Поздоровавшись с охранником, генерал проводил меня в дом.

– Тут столовая, гостиная, кухня, бильярдная, – обвел он рукой пространство первого этажа. – Вон там моя комната... Здравствуйте, Нина!

Выглянувшая из кухни горничная, немолодая женщина, склонная к полноте, сразу заулыбалась.

– И вам здоровычка, Революй Михалыч, – сказала она напевно, вытирая руки о передник. – Кушать не хотите?

– Лучше я потерплю! – рассмеялся Сулов. – А то опять от Оли выговор получу – за кишкоблудство!

– Обед ровно в час, – напомнила Нина и шутливо добавила: – Явка строго обязательна!

– Так точно! – по-армейски отчеканил генерал. Посмеиваясь, обернулся ко мне: – Или давай в гостиной разместимся?

– Давайте, – согласился я, осматриваясь, – там вроде посветлее...

Если обстановка дачи и впечатляла, то скромностью – во всех комнатах стояла казенная мебель с инвентарными бирками, зато всех лет выпуска, даже довоенного стиля попадалась – тяжелая, основательная, сбита из клееного щита. На стенах висели дешевые литографии – и много, очень много книг. В шкафах, на полках, на столе и даже на подоконнике.

Из простенького образа выпадали высокие напольные часы английской работы в корпусе красного дерева. Медный маятник качался столь мерно, что, чудилось, растягивал секунды.

– Я никому не помешаю? – деликатно поинтересовался я, снимая куртку.

– Нет-нет! – замахал руками Революй Михайлович. – Отец задержится в ЦК до вечера, а моя Оля только завтра придет. Она в журнале редакторствует, работенка хлопотная... Сейчас я притащу ящики!

– Да я сам...

– Тогда я за инструментом!

Розовощекый крепыш Дима Селиванов помог мне занести оба картонных ящика, набитых электронным барахлом, а генерал уже вовсю суетился, разогревая паяльник, настраивая осциллограф и прочий набор истинного электронщика.

Я спокойно отнесся к тому, что директор института у меня на подхвате, но нельзя же выходить из роли одаренного переростка! И мне пришлось иногда изображать смущение, да разыгрывать неловкость – Революй Михайлович от такой подачи делался еще благодущней, словно вальяжный столичный дядя, привечающий племянника из глубинки.

– А вот корпус! – генерал с гордостью водрузил на стол ящик из полированного дерева. Внизу тускло поблескивали накладные буквочки, складываясь в «Коминтерн-1». – Сказать по правде, моих ребяток прямо восхитила системная шина, а еще им понравилась отдельная клавиатура. Даже не сама клавиатура, а то, что у нее свой контроллер. Очень все... технологично!

Я скромно улыбнулся, полностью погружаясь в сборку второго экземпляра микроЭВМ, время от времени выныривая на поверхность обычной жизни. Набрасывал на листочке схему дискеты («Тут вот защитная такая шторка открытой области корпуса... А это – я вот так, сбоку,

обозначу – антифрикционная прокладка... В этом вот уголке – ма-аленькое окошко такое – для определения плотности записи...»). И сам дисковод, то бишь НГМД начертил, коряво, правда.

На большее пока не решался, и без того засветился по полной, а судьбы вундеркинда я себе не желал. Все эти юные дарования, гении-малолетки вызывают у публики опасливое, даже болезненное любопытство, как уродцы из кунсткамеры. Ребенок, который вместо игры в догонялки штудирует учебник физики – явное отклонение от нормы. Интерес к нему будет, а доверие?..

Поморщившись, я погладил щеку – зуб давал о себе знать. Он еще на Новый год заныл, стоило мне надкусить холодный мандарин. Цыкая, я потрогал больное место кончиком языка, нащупывая дырочку. Только этого мне еще и не хватало! Воображение тут же представило все в красках – зловеще ухмылявшегося стоматолога с орудием пытки – бормашиной, холодно поблескивавшей никелем. Вот он надевает маску на рот, чтобы больному не был виден садистский оскал, жмет ногой педаль – и противнейшее жужжание скоро заполнит весь череп, пронзит острой, невыносимой болью... А шприца с обезболивающим и близко нет!

Парадокс: у постороннего я могу инфаркт замедлить, а себе даже зуб паршивый залечить – никак. Опыты на себе я ставил – вавку удалял на ноге, порез на руке. Однажды расхрабрился – решил камни в желчном пузыре растворить. Боль такая приступила, что я рычал и потом исходил. А вот зубы лечить не брался – слишком они близко к мозгу. Задену еще...

Вполне допускаю, что самоисцеление для меня – пустяк на самом-то деле, просто я не умею лечить иначе, чем руками.

Я задумался, неосознанно трогая больной зуб кончиком языка. Может, еще один опыт поставить? «Зарядить» воду.

Оставив паяльник, я решительно протянул руку к большому блюду с парой стаканов и бутылочкой «Боржоми». Набулькав полстакана, взял его в руки.

Годами я отбрыкивался от подобного эксперимента. Не потому, что боялся, просто неприятно уподобляться Чумаку и прочим «биоэнергоинформационным фрикам». Но я-то целитель настоящий! Вдруг да получится?

Пожав плечами, я обнял стакан ладонями, будто грея, и чуть напрягся, напивая минералку своей энергией. И снова покривился, уже не от боли, а от незнания. Юзать юзаю, а как я эту самую энергию вырабатываю, как в ход пускаю, лечу как – понятия не имею.

Набрав воды в рот, пополоскал – и проглотил. Посмотрим, что выйдет... Поболтав минералкой в стакане – оставалось больше половины – я поискал горшки с цветами, чтобы вылить, не нашел, и выглянул на крыльцо. Около ступенек, в позе усталого сфинкса возлежал Джульбарс, здоровенная дворняга. Взгляд собачьих глаз был тускл, да и вела себя животное вяло.

– Заболел, псина без бензина? – спросил я с сочувствием. Пес лишь хвостом шевельнул. Недолго думая, я вылил «живую воду» в относительно чистую собачью миску. Эффект оказался неожиданным – Джульбарс резко встрепенулся. С трудом поднявшись, он жадно нюхнул воду – и сразу заработал языком, лакая, а потом еще долго гремел посудой, вылизывая все до капли. Воззрился на меня – и преданно завилял хвостом.

– Выздоровливай! – сказал я и вернулся в дом.

Часа два мы с генералом просидели в гостиной, ударными темпами собирая микроЭВМ и захламляя большой стол, как вдруг Революй Михайлович встрепенулся.

– Так рано ж еще... – пролепетал он, медленно привставая со стула.

Недоумеая, я глянул на него, а затем посмотрел за окно. Во двор плавно въезжал громадный приземистый «ЗиЛ», бликуя зеленоватыми пуленепробиваемыми стеклами. Генерал растерянно покрутил головой, словно озорник, боящийся родительского гнева.

– Я намусорил, я и уберу, – успокоил его, откладывая дымящийся паяльник и делая вид, что ничего не понимаю. В сыновней почтительности Сусллова-младшего доминировали вынуж-

денное послушание и робость перед строгим отцом. Но не демонстрировать же мне свой житейский опыт! Приятно это будет Революю Михайловичу? То-то и оно.

Со двора донеслись громкие голоса, дверь распахнулась, и в гостиную шагнул высокий сухопарый человек с тонкими чертами умного лица. Быстрый и острый взгляд его светлых глаз за толстыми линзами очков вызывал ощущение неуют.

– Доброго дня, Революй, – проговорил Михаил Андреевич Суслов, по-горьковски окая. Стащив на ходу тяжелое пальто с каракулевым воротником, он передал его на руки сыну. – У нас гости?

Михаил Андреевич снял папаху-пирожок и длинными худыми пальцами пригладил непослушную белую прядь.

– Здравствуйте, молодой человек, – сказал он церемонно, не меняя бесстрастного выражения на худом лице с высокими скулами, малоподвижном, словно каменном. Я встал.

– Здравствуйте, Михаил Андреевич, – сказал вежливо, как мальчик из хорошей семьи, и тут же все испортил, добавив простовато-местечковое: – Извините, что насвинячил...

Суслов даже не улыбнулся. Вопросительно повел бровью и с облегчением приземлился на скрипучий венский стул. Я тоже присел.

– Это Михаил Гарин, – храбро вступил генерал, – он участвует в смотре научно-технического творчества молодежи на ВДНХ. Лауреат!

Я с сомнением посмотрел на Революя Михайловича, а Суслов-старший обратился ко мне:

– Тёзка, значит? – Повернувшись к сыну, он проговорил: – Извини, что помешал прогрессу. Сердчишко забарахлило, пришлось уйти пораньше. А Борис Александрович сюда сразу, на свежий воздух...

Плотный, налитой здоровьем начальник охраны, стоявший у дверей, наметил улыбку.

– Тогда закругляемся, Миша, – бодро сказал генерал. – Тем более, обедать пора. Полпервого уже!

– Пожалуй, – поддакнул Михаил Андреевич, сдержанно кивая.

Я отнес недоделанный «Коминтерн-1» в «генеральскую» комнату и стал аккуратно складывать детали в картонную коробку, исподволь наблюдая за Сусловым.

Оказалось, что ничего общего у этой исторической личности ни с парадными портретами, ни с плохонькими фотографиями не имеется. Передо мной сидел пожилой, усталый человек, обладавший огромной властью, но ничего не взявший для себя.

Либеральные газетенки из себя выходили, высмеивая Сусллова, обзывали его «серым кардиналом» и «человеком в галошах» – за привычку носить грязевики в дождливую погоду. Раз уж не воровал человек, не подличал, то хотя бы над его старомодностью поиздеваться! А по мне, так с Михаила Андреевича хоть «икону стиля» пиши – строгий темный костюм сидел на нем идеально, рубашка безупречно свежая и отутюженная, в манжетах золотые запонки с русскими камушками, и галстук хорошо подобран.

Пожилый джентльмен из старинного рода. Даже так – лорд.

Суслов-младший с начохраны удалились, и «тёзки» остались одни.

– Комсомолец? – поинтересовался Михаил Андреевич, поворачивая ко мне седую голову.

– Конечно, – ответил я и не удержался, похвастался зачем-то: – Все лето провел в стройотряде, на ударной комсомольской.

– Молодец! – одобрил «серый кардинал». – Студент?

– Школьник. Девятый класс.

Не думаю, что моя персона вызывала у собеседника большой интерес. Просто Суслов пользовался возможностью «сходить в народ», пообщаться с низами.

– Линию партии поддерживаешь и одобряешь? – продолжил Михаил Андреевич. В его голосе чувствовалась этакая рассеянная снисходительность. Ла-адно...

Я медленно выдохнул и признался честно:

– Не совсем.

Суслов неподдельно удивился – и встrepенулcя, как гончая, учуявшая волка. Взгляд его стал зорким, а веки дрогнули, нагоняя прищур.

– Вот как? – медленно проговорил он. – И в чем же у комсомольца Гарина разногласия с политикой партии?

Я оставался спокоен. Мои слова вовсе не были оговоркой, я сознательно нарушал правила игры. Если Михаилу Андреевичу хватает общения с молодежью в стиле «Будь готов! – Всегда готов!», то мне этого мало.

Усилием воли «просканировав» собеседника, убедился, что Суслов не испытывал ко мне враждебности. Я лишь разбудил в нем легкое беспокойство – и жгучий интерес. Не такой уж он твердокаменный, каким хочет казаться!

Наверное, будь на моем месте взрослый из тех, кого упоминают в последнюю очередь небрежной фразой «... и другие официальные лица», Михаил Андреевич вел бы себя куда жестче. А с юноши, с дитяти неразумного, что взять? Но воспитательную работу провести он просто обязан, хотя бы как старший товарищ...

– О какой политике партии может идти речь, если внутри КПСС запрещена демократия? – хладнокровно начал я. – Да пусть в партии организуются разные фракции, платформы или, там, течения! Пусть они борются между собой, соревнуются и конкурируют! Вот это и будет политическая жизнь. А сейчас ее нет! Грызня между группировками в ЦК – не из той оперы...

– Погодите-погодите! – нахмурился Суслов. – Вы что предлагаете? Отменить резолюцию «О единстве партии»?⁶

– Именно! Или, по-вашему, она усилила КПСС?

– Конечно! – убежденно сказал «главный по идеологии».

– Нет! – резко опровергнул я. – Партия стала слабее. Ведь вы же полностью утратили опыт политической борьбы! И теперь уже никак не сможете противостоять ни манипуляциям извне, ни предателям в самой КПСС!

– К-какие предатели? – еле выговорил ошарашенный «тёзка». – Вы о чем? Или, тогда уж, о ком?

– Я о тех, для кого партбилет всего лишь пропуск во власть, чтобы вволю загребать матблага под садище! – раздельно сказал я, словно пробуясь на роль трибуна. – У них нет ни чести, ни совести нашей эпохи! Что же касается ума, то где же партии его взять, коли разномыслие – табу? Думающих коммунистов полно, но они помалкивают, как всякая массовка. Только и знают, что горячо поддерживать да одобрять!

Суслов начал сердиться. Его лицо налилось нездоровым румянцем, а светлые глаза как будто потемнели.

– Фракций ему не хватает! – воскликнул он, негодуя. – А еще комсомолец!

– Фракций не хватает КПСС! – резво отвечаю я. – Когда правящая группа одна и никто ей не оппонирует – политики нет!

– Вы плохо учили историю! – в запале сказал Михаил Андреевич. – Резолюцию «О единстве партии», между прочим, приняли после Кронштадтского мятежа!

– А не надо было доводить народ до бунтов! – повысил я голос. – Или вы полагаете, что все у нас в полном порядке и завоеваниям Великого Октября ничего не грозит? Да вы оглянитесь – народное хозяйство настолько увязло в кризисном болоте, что лет через пятнадцать бульки пойдут и мы дождемся контрреволюции!

Тонкие губы Суслова искривила бледная, дерганая усмешка.

⁶ Принята на X съезде РКП (б) в 1921 году.

– С чего вы взяли? – нервно выпалил он. – Кто вам наговорил все эти глупости?

– Ой, только не ищите за моей спиной вредителей-диверсантов, их там нет, – ехидничаю я и затеваю провокацию: – В экономике нашей ужас, что творится! Диагноз неутешительный, а рецепт один – приватизировать предприятия в тех отраслях, что ориентированы на конечный потребительский спрос, а частную собственность разрешить... ну пусть с ограничением размера капитала.

Суслов поджал губы, поглядывая на меня со смесью сдержанного неодобрения и задумчивого созерцания.

– Молодой человек, – прохладным голосом выговорил он, – то, что вы предлагаете, не реформа, а покушение на устои марксизма-ленинизма.

Я облегченно вздохнул: наконец-то прозвучал «последний довод»!

– Значит, и учение Маркса подлежит совершенствованию! – заявляю решительно. – Гегель правильно писал – развитие включает отрицание. Но если вы ничего не отвергаете, ничего не пересматриваете, то какое может быть развитие?

– Пересмотр основополагающих идей – это, вообще-то, ревизионизм, – холодно заметил главный идеолог.

– Не согласен! – живо возразил я. – Посмотрите сами, разве Ленин использовал марксизм в чистом виде? Нет, он творчески переработал учение, ведь ни Маркс, ни Энгельс не допускали того, что в России, аграрной феодальной стране, вообще возможно построить социализм, разве что лет через сто пятьдесят. А Владимиру Ильичу это удалось!

Михаил Андреевич замер. Еще в далекой молодости его пленил марксизм – своею верностью, предельной истинностью, и он всю свою жизнь положил на то, чтобы сберечь те самые устои, на которые покусился наглый мальчишка-лауреат.

– И почему бы вам, Михаил Андреевич, – молвил я вкрадчиво, – не стать тем человеком, который переосмыслит наследие Маркса и Ленина, приведет его к тождеству с нынешней реальностью?

Суслов облизал пересохшие губы, и вдруг его млажавое лицо как-то разом постарело, обрюзгло. Михаил Андреевич застонал, стон оборвался хрипом.

Я метнулся к нему, поминая черта, рывком расстегнул пиджак и положил ладонь на впающую грудь, успокаивая трепетавшее сердце, расширяя сосуды. Атеросклеротические бляшки – да целые бляхи! – медленно таяли, как рафинад в кипятке, распадаясь на безобидные углеводики.

«Инфаркт миокарда! – хмурился я, «читая» старый, запущенный организм. – Сейчас мы его... Кислородом по некрозу... Вот та-ак... Что тут еще? Сахарный диабет II типа... Последствия туберкулеза – вот почему он так простуды боится... Ладно, с туберкулезом потом... Атеросклероз сердечных сосудов... Коронарная недостаточность... Стенокардия сильнейшая...»

Моя правая ладонь огладила левую руку Сусллова, снимая боль. Минут пять я лечил старый, запущенный организм.

– Лучше? – обронил напряженным голосом.

– С-спас-сибо... – выдохнул Михаил Андреевич. – Отпустило, вроде. И рука не болит... К-как это у вас получается? В-вы, как тот монгольский знахарь...⁷

– Скорее как филиппинский хилер, – хмыкнул я невесело. Ойкнул про себя, но постарался успокоиться: вряд ли Суслов свяжет мой промах с кодовым названием операции КГБ. – Я редко прибегаю к этим... э-э... фокусам, и никто о них не знает. Даже папа с мамой! Михаил Андреевич... – я заговорил просительным тоном ученика, отпрашивающегося с урока: – Большая к вам просьба – не рассказывайте, пожалуйста, никому о лечении. А то, боюсь, запрет в лаборатории и станут изучать!

⁷ Существуют свидетельства того, что Л. И. Брежнев в 70-е годы лечили целители из Монголии.

Суслов сделал глубокий вдох, напряженно прислушиваясь к себе, но нет, сердце не сдавало, и он окончательно расслабился, обмяк даже.

– Ладно, тёзка, не выдам.

Глава 2

Суббота, 4 января 1975 года, вечер Москва, улица Чайковского

В московском посольстве Джек Даунинг числился гражданским помощником атташе по вопросам обороны, хотя его принадлежность к ЦРУ особым секретом не являлась. Во всяком случае, в КГБ об этом знали. Поначалу такая осведомленность чекистов пугала Джека, он чувствовал себя голым, окруженным плотной толпой хмурых мужиков в ушанках, беззащитным и беспомощным.

Но потихоньку прежний страх ушел. Говорят, новобранцы, попадая на войну, шарахаются от каждой пули, но потом, обвыкнув, уже не обращают внимания на зловещий посвист.

А ля гер ком а ля гер, как говорят французы, а разведчик всегда на передовой...

Бездумно поглядев в окно, где затаилась большевистская Москва, выдавая себя лишь фонарями да редким потоком машин, Даунинг уныло вздохнул.

В свете фар автомобиля переливались разноцветным лаком, блестели никелированными решетками радиаторов, бликовали стеклами, а проводишь их глазами – и только зловещие красные огни стоп-сигналов разгораются...

Цэрэушник встрепенулся и решительно задернул шторы. Упруго пройдя к большому столу с массивными тумбами, вероятно происходившему от бегемота, он швырнул на полированное дерево тощую папочку, переданную ему резидентом, и опустился в мягкость пухлого кресла. Подумал – и придвинулся поближе, вытащил из папки первый лист. Вверху и внизу страница была помечена грозным SECRET⁸.

В третий или в четвертый раз Джек пробежал глазами убористый текст, выжимку из разных источников. В основном информация поступала от израильтян. Было похоже, что парни из Моссада весьма впечатлились произошедшими событиями, раз уж назвали свою операцию кодовым словом «Машиах».

Ну а что? Понять моссадовцев можно – этот Миха и болезных излечивает, да таких, что ни один врач не возьмется, и очень много знает. Слишком много.

Даунинг привстал, дотягиваясь до атласа, потянул на себя... Как всегда, этот географический талмуд с треском развалился – давно оторвавшийся переплет спланировал на пол.

– Ч-черт...

Джек порылся в атласе и открыл его на нужной странице. Юг России. Где тут этот Первомайск? Вот Одесса, Николаев...

А, вот он, на самом севере Николаевской области, у реки Южный Буг. Разведчик задумался, задрал подбородок и выпятив челюсть. Подвигал ею и скосил глаза на календарь, с которого игриво улыбалась Рэжел Уэлч. Кого бы привлечь?

На ум сразу же пришли бандеровцы или мельниковцы из ОУН – эти отморозки давно в разработке. Операция под кодовым названием «Аэродинамик» мало-помалу переходит в активную фазу, ЦРУ пестует не только отребье из украинских эмигрантов, но и «подпольные группы» в УССР. Все бы о'кей, но Даунинг не верил официальным отчетам.

Как правило, «хорошо организованное подполье» создавалось чекистами из КГБ, дабы впечатлить заокеанских кураторов – пусть штатовцы зря деньги выбрасывают на фиктивную «партизанскую войну против советского режима»!

⁸ Secret (англ.) – «Совершенно секретно», второй уровень секретности. Top Secret (TS) – «Совершенно секретно, особой важности», высший уровень секретности.

Джек задумчиво потер зудевшую кожу на подбородке и поморщился – ох уж эти «безопасные» бритвы! Не спасешься потом от раздражения. Советским забористым «Шипром», что ли, прыскать?

«Продирает до слез...»

Сложив ладони и приложив их ко лбу, словно вознося мольбу Будде, Даунинг перебирал варианты. Хм... Как будто у него богатый выбор...

Покусывая губу, Джек барабанил пальцами по носу, а после положил ладони на край стола, изображая тапёра.

«Не стреляйте в пианиста, он играет как может...»

Ну все, хватит жадничать! Хочется тебе или не хочется, а придется будить «спящего агента». Вздохнув, Джек порылся в папках и откопал нужную. Агент Вендиго.

Даунинг усмехнулся. Этот тип, когда-то завербованный им, сам выбрал себе оперативный псевдоним, толком не понимая, что это за броское и звонкое слово. А всего лишь людоед из индейских мифов!

Глянув на первую страницу, Джек мигом оживился. Бинго!

Агент Вендиго родился в Первомайске, переехав в Николаев с родителями после окончания пятого класса!

– От-лично!

Подхватив папочку, Даунинг покинул свой тихий закуток и зашагал по длинному коридору, направляясь на доклад к шефу – устроить побудку «агенту глубокого залегания» может только резидент.

Из кабинета Дэвида Келли выпорхнула встрепанная Марта, держа на весу солидную пачку бумаг.

– Как шеф? – перехватил ее Даунинг.

– В депрессии! – хихикнула Петерсон, тряхнув кудряшками.

Джек опасно просунул в дверь, наблюдая резидента ЦРУ, глубокомысленно созерцавшего потолок, и стукнул костяшками в створку – тут, наверное, передался русский политес.

– Можно?

– Заходи, Джек, – откликнулся Келли скучным голосом. – Что нового?

– Ничего особенного, Дэвид, – бодро ответил помощник атташе. – Я насчет операции «Некст». Собираюсь задействовать агента глубокого прикрытия. Ты как?

– Кого именно? – спросил резидент, продолжая блуждать взглядом по потолку.

– Некто Степан Вакарчук, инженер Черноморского судостроительного завода в Николаеве, – заговорил Даунинг официальным тоном. – Охотно пошел на сотрудничество, завербован в шестьдесят восьмом году. Передал нам ценную информацию по советским авианесущим крейсерам проекта одиннадцать – сорок три «Кречет» и атомному авианосцу проекта одиннадцать-шестьдесят «Орел». КГБ слишком рьяно стал копать, и мы приняли решение заморозить контакты на пару лет. Вакарчук родился в Первомайске, и будет очень легко залегендировать его появление в городе, где скрывается объект «Миха».

– Объект «Миха»... – механически повторил резидент, и неожиданно встрепенулся, сел поудобнее и сложил руки на груди. – Присядь, Джек. В отличие от тебя, у меня новости имеются.

Даунинг нащупал кресло за спиной и примостился с краю, выжидательно глядя на шефа.

– Ситуация резко осложнилась, Джек, – проговорил Келли, умащиваясь и поправляя пиджак. – Моссад – это ладно, я был готов к тому, что мы пересечемся с израильянами, но они хоть какие-никакие, а союзники. Зато русские... Они очень активны и... Ну это все бла-бла-бла. А вот тебе факты. Помнишь, мы все в затылках чесали, не разумея, куда пропал генерал Калугин? Потом пришла информация, что этот ценнейший агент то ли убит, то ли сам

помер. Так вот, выяснилось, что его застрелили осенью в этом самом Первомайске, причем из табельного оружия самого генерала!

– Ого! – не удержался Джек.

– Вот тебе и «ого», – сухо сказал Келли. – Есть подозрения, что это убийство связано с операцией «Хилер», которую КГБ ведет наперегонки с Моссадом, а теперь и с ЦРУ. Русские тоже ищут Миху!

– Но что Калугину было делать в провинциальном городе? – недоуменно сморщил лоб Даунинг. – Если только...

– Ну-ну! – подзуживал его Дэвид со слабой улыбкой.

– Если только это не связано с Михой, – осторожно договорил Джек.

– В точку! – прищелкнул пальцами Келли. – Информации по убийству Калугина очень мало. Известно лишь, что генерал с кем-то встречался в Первомайске, где-то на окраине этого городишки, на берегу Южного Буга. А потом тело Калугина выловили ниже по течению, с двумя дырками – в колене и во лбу.

Резидент сморщился, словно лимонную дольку ухватил. Достав расческу, он тщательно причесал редющую шевелюру, а затем взялся чистить гребешок от волос. Даунинг терпеть не мог эту привычку шефа, но крепился. – Буди своего «спящего», – проворчал Келли, свирепо подув на расческу, и спрятал ее обратно в карман. – Если он хоть что-то разнюхает, и то польза.

– Да, сэр, – чопорно ответил Даунинг.

Воскресенье, 5 января 1975 года, день Московская область, «Сосновка-1»

Хозяева недолго уговаривали меня остаться на ночь, я согласился сразу. Разве сравнишь гостиницу, даже классную, с ночевкой на даче, когда в приоткрытую форточку долетает не вечный гул мегаполиса, а тихое шуршание сосен, чью хвою перебирает студеной ветерок? К тому же, кроме получения удовольствия, надо было и пользу принести...

Наш с Леночкой план сбывался, хотя и не в том варианте, в каком был задуман. Рожкова рассчитывала на Андропова и даже подсказала точное время и место, где бы я мог пересечься с Юрием Владимировичем.

Это все, конечно, очень здорово, но председатель КГБ заматерееет, как политик и государственный муж, лишь года через три. Пока же он не готов взять на себя ответственность за советский народ и его социалистическое отечество. Андропов всего чуть больше года назад вошел в Политбюро, и в Комитете за ним присматривают особы, приближенные к Леониду Ильичу.

Тут сама собой напрашивается параллель с военным временем. Прославленный Черняховский командовал фронтом в сорок четвертом, и стратегом был хорошим, и солдат берег. Молодец, короче. Но разве можно было его назначить комфронта в сорок первом? Никак нельзя! Иван Черняховский тогда в полковниках ходил, дивизией командовал. Позже, на генеральских должностях, ему армию доверили. Так и рос человек, овладевал наукой побеждать, опыта набирался.

С Андроповым та же история. Ныне он – одиночка, не входит ни в какую группировку внутри ЦК, зато предан Брежневу. Юрию Владимировичу, чтобы занять место генсека, нужно либо дождаться, пока оно станет вакантным, либо освободить его, совершив переворот. О свержении можно разве что помечтать перед сном...

Андропов – как тот богатырь на распутье: «Налево пойдешь – коня потеряешь. Направо пойдешь – голову сложишь...» Уготован Ю Вэ и «прямой» путь – примкнуть к «хохлам» во главе с Черненко, помышлявшим о замене генсека. И оказаться на вторых, если не третьих ролях.

Юрий Владимирович – фигура важнейшая, но не в данный «исторический момент». Хотя мой план, мой проект реализуется далеко не сразу, года два уйдет на подготовку да раскрутку. А там как раз и пригодится товарищ Андропов...

Все эти дела мы с Леночкой обсудили давным-давно в будущем (ах какой оборот!). Я ей сказал тогда, что ставил бы на Брежнева, за ним реальная сила, и не нужно ждать, когда созреют условия – времени нет! Правда, Леонид Ильич не так крут, как Сталин, и почти ничего не решает единолично. Он скорее арбитр, соблюдающий баланс интересов, и придерживается той линии поведения, когда ни одна из элит не задета и все довольны. Хотя... Ведь это Брежнев убрал, задвинул подальше Шелепина, конкурента, возглавлявшего «комсомольцев» в ЦК. Всей группе шелепинцев устроили тогда тихий разгром – кого-то послали очень далеко чрезвычайными и полномочными, кого-то сняли, лишили, отправили на пенсию... Так что не надо держать «дорогого Леонида Ильича» за добродушного любителя охоты да смачных поцелуев, он и когтист, и зубаст.

«А ты будто сожалеешь! – кисло отмечаю я. – Дескать, не вышло с номером первым, так хоть со вторым номером получилось. Ага, можно подумать, Суслов спит и видит себя моим покровителем. Ничего подобного!»

Мой выход на Суслова – полнейшая случайность, не предусмотренная никакими хитроумными планами, помеченными хоть буквой «А», хоть литерой «Б». Надо сказать большое спасибо пройдошливому Данилину за то, что вывел на меня Революя Михайловича. Мне удалось заинтересовать продвинутого генерала – и вот я смакую благорастворение воздухов в «Сосновке-1»...

– Закончил? – спросил Суслов-младший, перебивая мои мысли.

– Ага, – кивнул я и потянулся, – последнюю прогу ввел. Пойду, погуляю, разомнусь маленько.

– Только далеко не уходи, обед скоро.

– Не пропущу ни за что!

Подойдя к зеркалу, я открыл рот, так, чтобы никто не видел, и осмотрел, как смог, болевший вчера зуб. Он выглядел здоровым, а дырочка затянулась свежей эмалью. Опыт удался!

Знать бы еще, что именно мне удалось... Структурированная вода – это сказки для убогих, помешанных на фейках о зомби, НЛЮ и прочей ерунде. Может, я и впрямь зарядил «Боржоми»?

Что ж, это расширит мои возможности. «Ах я коварный!»

Подумав, заглянул к Нине. Горничная куда-то вышла, но в ящике, приспособленном под мусор, нашлась пустая бутылка из-под украинского красного вина «Оксамит» – это было единственное спиртное, признаваемое Сусловым-старшим. Он выпивал его дважды в неделю по рюмочке, стресс снимал.

Я наполнил бутылку обычной колодезной водой и долго водил по ней ладонями, изготавливая «эликсир». Оставлю Михаилу Андреичу на память. И на здоровье!

Накинув куртку, я вышел во двор, шапку натянув по дороге. Участок раскинулся широко, было где пройтись. Минувя затейливую беседку, добрал до берега Москва-реки, скованной полупрозрачным льдом, как будто застекленной. Нетронутый снег сиял белизной, словно накрахмаленный, а краснокорые сосны полосатили его долгими синими тенями. Порой птица срывалась с колючих ветвей, и вниз просыпались снежинки, опадая серебристым конфетти. Солнце цепляло лучами легкие облачка, опушивая их нездешним сиянием... Картинка!

Вдохнув свежий воздух, словно причастившись свежести, я пошагал по тропе-аллее между деревьев. Дорожку расчистили, а снежок, оставшийся лежать тонким слоем, приятно проминался «прощайками»⁹ – за мной тянулись четкие следы «елочкой».

⁹ Знаменитые войлочные ботинки, прозванные «Прощай, молодость».

Обогнув молодое деревце, я вышел на круглую полянку, от которой расходилась еще пара исхоженных троп. На одной из них топтался, держась в отдалении, охранник, а по полянке бродил Суслов. В темно-сером пальто, в нахлобученном «пирожке», смахивавшем на меховую пилотку, замотанный в колючий шарф, Михаил Андреевич неторопливо прогуливался, собирая обломанные ветром сухие ветки. Наберет целый «букет» в левую руку и сложит в кучку. Вот уж кому немецкий ордунаг как родной!

– Помочь? – спросил я.

Суслов как раз нагнулся за очередным сучком и повернул ко мне голову, не разгибаясь.

– А, тезка... – просветлел он лицом.

У меня даже мурашки пошли. «Человек в футляре», как за глаза называли Михаила Андреевича, кажется, покидал свою «тару». Редко кто мог похвастаться, что наблюдал на лице Суслова благодушную улыбку. Обычно «серый кардинал» хранил бесстрастное выражение лица, как воин племени апачей, а если и улыбался порой, то язвительно или равнодушно, просто стараясь быть любезным. И вдруг этот памятник непреклонности ожил!

«А ведь улыбка его здорово молодит», – подумал я.

– Вот, порядок навожу, – сказал Михаил Андреевич, – больше ж некому... Ох, тезка, давненько я не чувствовал себя так хорошо! Гнешься – и не свербит ничего, не колет... Сказка!

Дальше мы пошли вместе. Дима Селиванов топал позади, не мозоля глаза, и делал вид, что его здесь вообще нет.

– Сегодня я здорово выспался, – негромко заговорил Суслов, – хоть и лег поздно, и от мыслей голова гудела, а заснул сразу, как в молодости, – не помню даже, чтобы ворочался. Да и под утро изменил своей стариковской привычке – бессонницей маяться. Дрых чуть ли не до самого завтрака! – коротко рассмеявшись, он смял улыбку, и только морщинки в уголках глаз не разгладились в память о хорошем настроении. – Миша, вы думаете по медицинской части пойти?

– Нет, Михаил Андреич, – мотнул я головой, – лучше уж я по компьютерам... э-э... по ЭВМ.

– Ну да, можно было догадаться, – понятливо закивал «серый кардинал». – У меня и сын, и зять с кибернетикой связались...

– С «продажной девкой империализма»? – глупо сострил я и прикусил язык. А вдруг именно Суслов навесил сей ярлык на «реакционную лженауку»?

– Да нет, – улыбнулся Михаил Андреевич, – приличная девица оказалась!

– У меня такое впечатление, – сказал я, когда перестал ругать себя за дурость, – что вы затрудняетесь, не зная, какое сказать «спасибо».

– Да! – оживился мой спутник. – Именно! Не знаю, как вам выразить свою благодарность, Миша. Ведь вы спасли мне жизнь!

– Не преувеличивайте, Михаил Андреич, – театрально застеснялся я.

– Отнюдь! – живо возразил Суслов. – В какой-то момент... очень тошный момент, когда боль сделалась невыносимой, я вдруг почувствовал пугающий холод. Очень страшно стало, тягостно так... Костлявая прибирала меня! Ни разу в жизни я так не боялся, даже в войну. На фронте я был в самом расцвете сил и не один, с товарищами, а тут... Эта мука... вот уж точно – смертная! – длилась, наверное, секунд двадцать-тридцать, не дольше, а для меня будто целая вечность минула...

– Михаил Андреич, – серьезно сказал я, – если вы хотите меня отблагодарить, то лучше помогите нашим электронщикам. Поддержите Юдицкого, Староса, Пудовкина, Бурцева, Глушкова. Помните индустриализацию перед войной? Тогда поднимали тяжелую промышленность, а сегодня микроэлектронику надо поднимать! В семидесятых ЭВМ важны, как танки и самолеты в тридцатых. Мы, правда, в этом деле поотстали, но ничего, нагоним. Главное, золотые головы есть и золотые руки не перевелись – растут, откуда положено.

Пару секунд Суслов изучал меня серьезным взглядом. Прошелся молча, руки за спину, чуть горбясь. Потом вынул из кармана ломоть хлеба, стал птицам в кормушки крошить. Упитанный снегирь первым явился за угощением, следом робко слетелись две синички.

– Хорошо, – энергично кивнул Михаил Андреевич, наблюдая за пичугами, – я посмотрю, что можно сделать.

– Спасибо.

Главный идеолог страны рассмеялся – это насторожило пернатых, и он смолк, продолжая улыбаться. Перемогая птичий щебет, донеслись детские крики, больше смахивающие на боевые кличи команчей.

– Внуки пожаловали! – обрадовался Суслов.

Мы повернули к даче, но первым нам встретился не малолетка, а лохматый Джульбарс. Вывалянный в снегу, пес завизжал, заюлил вокруг хозяина, лапаясь и бешено метя хвостом.

– Джулька, Джулька! – смеялся Михаил Андреевич, уворачиваясь от умильной слюнявой морды. Тогда и мне перепало от собачьей преданности – всю куртку мне извозил своими лапищами. А тут и детки подросли.

Маленького Колю до того закутали, что он еле ковылял. Его степенно вел за руку старший брат, входивший в отрочество.

– Деда Миса! – завопил мелкий, выдергивая ладошку. – Пусти!

Вырвавшись, он бросился к деду, смешно переваливаясь, и тот оживленно наклонился к нему, облапил, со смехом подхватил на руки.

– Деда, ты с-сто? – возмутился Коля с высоты. – Тебе же низ-зя, я тязелый!

– Уже можно! – рассмеялся Суслов.

На обед подавали пюре с сосисками и наваристый борщ. Суслов не терпел кулинарных изысков, предпочитая простую пищу. Видимо, он полагал, что пристрастие некоторых членов ЦК к икре и поросьятам с хреном отдает буржуазностью.

После обеда я стал готовиться к отъезду – упаковал «свою» микроЭВМ, а осциллограф отнес к Суслову-младшему. Выходя из генеральских покоев, наткнулся на самого Революя Михайловича.

– А, вот ты где! – обрадовался он. – А я уж боялся, что уехал! Беги наверх, отец хочет тебя видеть.

– Бегу! – Прыгая через две ступеньки, я взлетел по деревянной лестнице наверх.

– Привет! – улыбнулась мне Майя, шагавшая навстречу. – Ты к папе? Вон его кабинет.

Ей было лет тридцать пять, и мне нравилось, что она относилась ко мне, как к давнему знакомому. От этого пропадало ощущение чужеродности госдачи.

Поблагодарив Майю, я постучался в дверь, отделанную орехом, дождался разрешения и вошел. Верно говорят, что по обстановке можно судить о хозяине. Шкафы с книгами доминировали в кабинете Суслова, занимая все свободные стены. На письменном столе лежал справочник по видам птиц, а с краю – маленький бронзовый бюстик Горького.

– Звали, Михаил Андреевич?

Суслов сидел не за столом, а в уютном кресле, листая пухлый том сочинений кого-то из классиков. Сняв и удерживая рукой очки в серой оправе, он склонял голову, приближая книгу к тому глазу, что здоровей. Другой видел плохо с молодости – туберкулез дал осложнение, а в войну, когда Суслов кочевал с партизанским отрядом по Северному Кавказу, болезнь обострилась.

– А, тезка, – сказал Михаил Андреевич, откладывая свой талмуд. – Заходи, садись.

Я занял стул – не присел на краешек, сложив руки на коленях, как благовоспитанный мальчик, а удобно устроился, откинувшись на спинку. Ни страха, ни благоговения перед «чело-

веком в галошах», я не испытывал. Мне было интересно с ним, и порой я не слишком следил за учтивостью.

– Второй день чувствую себя совершенно здоровым – великолепное ощущение! – Михаил Андреевич хлопнул руками по острым коленям. – Словно в юность вернулся, когда все нипочем! Мм... Я помню свое обещание, и все равно – огромное тебе спасибо, Миша, ты просто не представляешь, как много ты для меня сделал.

– Разве оперный тенор сам добивается силы и красоты своего голоса? – улыбнулся я, изображая смущение. – Это все наследственность. Со мной то же самое – спасибо моим родителям, что так гены сошлись!

Малость напряженное выражение на лице Сулова смягчилось.

– Скажите, Миша, – медленно проговорил он, – насколько стойки изменения в моем, увы, немолодом организме?

Я принял серьезный вид.

– Михаил Андреевич, за два сеанса я почистил вам сосуды и укрепил сердце, подлечил диабет, но вот справиться с последствиями туберкулеза быстро не получится. Месяца четыре... до полугода организм сам будет залечивать больные места, а потом его надо... э-э... «взбодрить». В принципе, как раз летние каникулы начнутся, и я смогу приехать.

Хорошо ощущая «тезку», испытывавшего неловкость, я не стал дожидаться просьб с его стороны.

– Очень хорошо! – обрадовался Сулов, и даже пошутил неуклюже, чего за ним не водилось: – Постараюсь дожить!

«Ничего, – подумал я, – скоро вы у меня анекдоты будете травить!»

Лицо моего тезки дрогнуло, радостное оживление спряталось за тучку легкого замешательства – я уловил, как Михаил Андреевич скрывает смущение и неуверенность.

– Знаете, Миша... – Сулов поднял очки на лоб, двумя пальцами массируя переносицу. – Я настолько привык сдерживаться, что мое хладнокровие порой сродни равнодушию. А вам, так сказать, удалось всколыхнуть этот застойный пруд... – Испытав колебания, он все-таки высказался: – Да, я по-прежнему взволнован вашими словами, совершенно неожиданными для меня!

– Вы имеете в виду развитие идей Маркса и Ленина? – осторожно уточнил я.

– Именно! – горячо подтвердил Михаил Андреевич. – Это... – он затряс головой, не находя слов, и отмахнул челку. – Десятки раз я пытался привнести что-то свое в марксизм-ленинизм, но всегда пасовал. Помню, как расстроился в свой последний юбилей – сколько всего пережито, передумано и переосмыслено! Занести бы все на бумагу, сформулировать, сравнить предвидения Маркса с исторической действительностью, выявить новые тенденции, сделать выводы... А сил нет! – Он длинно вздохнул, словно переживая давнишнее разочарование, но бледная улыбка уже трогала его губы. – Привыкнуть не могу никак – волнуюсь очень, но даже голова не болит! Не давит ничего, не ноет... – улыбка растаяла, затеняясь хмурым выражением. – Если я и сейчас не возьмусь... за труд, то ни за что не прощу себе этого. Я почему и спрашивал вас, Миша, о стойкости своего нынешнего состояния – хотел лишний раз услышать, что поправился.

– А я лишний раз скажу, что это в ваших силах – продолжить дело Ленина! – проговорил я с нажимом, наклоняясь для пушей убедительности. – Гарантию даю – здоровья вам хватит. Хватило бы только желания писать от себя, не оглядываясь на классиков, без цитат и догматизма.

Поймал острый взглядец Сулова и смолк, досадуя – опять маху дал!

– Вы считаете меня догматиком, Миша? – с грустинкой в голосе спросил Михаил Андреевич.

– Как только учение Маркса сочтут окончательным, лишенным изъянов и верным на все времена, оно тут же превратится в догмат, – вывернулся я, осторожно подбирая слова. – Вот и докажите, что марксизм жив-здоров! Не окаменел, не закоснел, а развивается вместе с обществом и... нет, не меняется в угоду строю и эпохе, а становится... ну, если тут возможно проводить сравнения с медициной... становится инструментом для точного диагноза и лечения социальных недугов. Должен стать! Не сухой занудной теорией, не собранием пыльных томов, которые никто не читает, а живой, четкой методикой построения высшей формы общества. А то ведь ерунда получается – капитализм эволюционирует, а в марксизме полный застой! Вон, посмотрите на западных рабочих – многие из них владеют акциями той компании, на заводах которой трудятся. Этому уже и название подобрали – народный капитализм. Да, такие работяги – мелкие акционеры, но и они получают дивиденды! То есть наравне с настоящими буржуями эксплуатируют трудящихся. Так какие же с них пролетарии? И что об этом говорит марксизм-ленинизм?

– Ничего не говорит, – признал Суслов. Встряхнулся и уверенно добавил: – Но скажет!

Тот же день, чуть позже Москва, площадь Дзержинского

Обычно Андропов заканчивал трудиться в пятницу часов в девять-десять вечера, но иногда заявлялся на работу и в выходные. В субботу обычно занимался делами с одиннадцати утра и до шести, а по воскресеньям мог задержаться на несколько часов.

Вот как сегодня. Замов своих Юрий Владимирович решил не беспокоить, лишь одного хорошего товарища зазвал, но Василий, верный порученец, уже был тут как тут. И откуда только узнал?

– Да сиди, Василь, – улыбнулся председатель КГБ, входя в приемную и усаживая на место вскочившего было капитана. – Отдыхал бы лучше!

Василий ответил легкой улыбкой.

– Я в принципе ненадолго, – продолжил Андропов, отворяя дверь в огромный кабинет, – надо с одним профессором потолковать... Ну, организуй тогда чаю, что ли!

Порученец с готовностью кивнул, тут же берясь за дело.

«Старая школа!» – подумал Юрий Владимирович, перешагивая порог и закрывая за собою дверь. Сразу стало тихо, мысли потекли плавнее.

Раздернув тяжелые светло-коричневые портьеры, он остановился у окна, словно проверяя, на месте ли «Железный Феликс». Памятник стоял несокрушимо.

Искристые осадки, выпавшие с утра, залегли ненадолго – желтые снегоуборочные машины уже хищно кружили по площади, тормозя вереницы авто. Хмурое, затянутое тучами небо провисло над Москвой, наколотое шпилями сталинских высоток и башнями Кремля. Андропов перевел взгляд левее. Темно-серые цеховские здания на Старой площади расплывались, почти сливаясь с облачностью. Непогода...

Главный чекист страны посмотрел на часы – и отворил незаметную дверь справа от письменного стола. За нею пряталась маленькая комната – «гостиная», как порой называл ее Юрий Владимирович. Обстановка почти домашняя – вдоль стены, отгораживавшей кабинет, тянулся простенький книжный стеллаж, заставленный полным собранием трудов Ленина, – и диссидентской литературкой. На письменном столе у глухой стены отливал тусклым бликом телевизор, а вокруг низкого журнального столика стояли четыре кресла и диван «на троих», одинаково обтянутые плюшем сдержанного терракотового цвета. Оба окна цедили рассеянный свет, плотно задернутые портьерами, из-за чего в «гостиной» зависал коричневатый сумрак.

Помедлив, председатель КГБ шагнул в короткий коридор. «Мальчики направо...» – мелькнуло воспоминание из давней юности. Повернувшись спиной к туалету и душевой,

Андропов осторожно, чтобы не забрызгать пиджак, приоткрыл кран умывальника, сложил ладони ковшиком, набрал холодной воды и омыл лицо. Полегчало.

Вытершись махровым полотенцем в аляповатых китайских розочках, Юрий Владимирович глянул на себя в зеркало. С виду крепок, и в лице твердость. Еще бы в левом боку не было...

Вздыхнув, Андропов вернулся в кабинет и занял кресло за столом. Словно дождавшись хозяина, слева на пульте, выдерживая равные промежутки, тихонько зазвонил телефон внутренней связи.

– Я слушаю, – сказал председатель КГБ, прижав трубку к уху.

– Здравствуйте, Юрий Владимирович. Ответственный дежурный по Комитету, полковник Шульга. Здесь профессор Лягин...

– Проводите ко мне.

– Слушаюсь, Юрий Владимирович.

Андропов позволил себе чуть-чуть расслабить узел галстука, расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки. С привычной осторожностью откинулся на спинку, задумался. Сейчас он, можно сказать, привык к своей хлопотной должности, а ведь поначалу сильно сомневался, что вообще потянет воз госбезопасности. Но ничего, подучился у знающих людей, вник в суть дела – и стало получаться. И до него не сразу дошло, что Брежнев вовсе не понизил его, переведя из секретарей ЦК партии в председатели КГБ. Нет, это было, скажем так, неявное повышение и одновременно – жест доверия и расположения к нему.

Постепенно пришло понимание того, какая сила таится в КГБ и какую колоссальную власть дает. Правда, Леонид Ильич это тоже хорошо понимал. Генсек особой наивностью не отличался, всегда руководствуясь старым большевистским принципом: «Доверяй, но проверяй!» Потому и приставил к Андропову парочку своих «опричников», Цинева и Цвигуна. Официально – замов председателя КГБ, а фактически – соглядатаев. Вот только не стал Юрий Владимирович ссориться с Леонидом Ильичом, а переиграл его, приняв навязанных заместителей как родных, озаботившись их проблемами. В итоге оба, по сути, заняли его сторону...

Андропов снял очки и отер ладонями лицо, посидел чуток, ссутулившись, а затем вздохнул и выпрямился. Занимая высокое положение, очень трудно оставаться собой.

Достав стакан, чистый до невидимости, он потянулся к графинчику с клюквенным соком, который всегда стоял у него на столе, но передумал, и плеснул себе трускавецкой минералки – почки пошаливали.

Зажегся зеленый глазок селектора – связь с секретариатом, трудившимся неподалеку, через приемную.

– Здесь профессор Лягин, – послышался голос Шарапова.

– Пригласите.

Вскоре дверь отворилась, пропуская Василия с жостовским подносом. Быстро переложив угощение на стол для заседаний, порученец доложил:

– Ученый явился. Мнется...

Мельком глянув на стол – капитан приготовил две чашки, – Андропов кивнул:

– Зови.

Ему иногда приходилось встречаться с представителями научной или творческой интеллигенции – по делу, а то и просто так, лишь бы «пощупать пульс», понять, какие настроения бытуют в стране. Как правило, встречи эти устраивались на конспиративных квартирах – сам Андропов в это время отдыхал от казенщины, а чувствительных интеллигентов до дрожи пугало здание КГБ на площади Дзержинского. Его коридоры казались им зловещими и даже мысль о «подвалах Лубянки» приводила в ужас.

Но сегодня Юрий Владимирович изменил привычке, решив принять профессора Лягина у себя в кабинете. Разбаловался старый ученый, анти-советчиной увлекаться стал – вызов в «Контору глубокого бурения» будет для него полезной прививкой.

Вскоре в приоткрытую дверь скользнул бочком, словно боясь задеть створку, сухопарый человек в возрасте, с копной седых волос, порядком растрепанных. В простеньком пиджачке, в неподходящем по цвету галстуке, съехавшем набок, в небрежно начищенных ботинках, профессор Лягин выглядел истинным ученым, какими их любят изображать журналисты – далекими от житейской суеты, витающими в научных эмпиреях, недоступных общечеловеческому пониманию.

Профессор сильно нервничал, и злился из-за этого, воинственно и беспомощно сверля зрачками председателя КГБ.

Тот посмотрел на него – и ученый оцепенел, глядя в глаза напротив – прозрачно-голубого ледяного цвета, придававшего взгляду Андропова острую пронзительность.

– Здравствуйте, Алексей Петрович, – мягко улыбнулся председатель КГБ, не спеша оставляя свое кресло и пересаживаясь за длинный стол. – Вот, пришла нужда встретиться. Посадим вас, – он сделал паузу, наблюдая, как бледнеет Лягин, – напоим чаем. Вы не стесняйтесь, вот печенье, вот конфеты. Угощайтесь.

Профессор боязливо присел и напряжение стало помаленьку отпускать его.

– Да, с председателем КГБ я еще не пил! – натужно пошутил он, тут же бросая испуганный взгляд на хозяина кабинета.

Андропов тихо рассмеялся, придвигая к себе чашку.

– Не бойтесь, товарищ профессор, вербовать вас не буду, – сказал он, улыбаясь. – Мне нужна небольшая консультация. Надеюсь, пригласив вас сюда в воскресенье, я не нарушил каких-то планов?

– Да нет, – пожал плечами Лягин, помаленьку осваиваясь. – По воскресеньям я обычно отсыпаюсь или просиживаю в библиотеке. А что за консультация?

Он вздрогнул – дверь неожиданно отворилась, пропуская Игоря Синицына, помощника Андропова как члена Политбюро. Уже будучи журналистом-международником, Игорь стал сотрудником КГБ, пойдя по стопам отца-разведчика.

– Можно, Юрий Владимирович?

У хозяина кабинета дрогнул уголок рта.

– Вы, Игорь Елисеевич, так и остались сугубо гражданским человеком. Офицер задает вопрос по уставу: «Разрешите?»

Синицын развел руками – мол, таков уж я, не переделать, – и примостился с краю стола. Василий, заглянувший в кабинет, тут же занес еще одну чашку.

– Да вы пейте, пейте, – тонко улыбнулся Андропов, ухаживая за встрепанном гостем из научных сфер.

– Спасибо...

Лягин, благожелательно поглядывая на Игоря – свой, штатский! – подлил себе из заварника. В кои веки испробуешь настоящий чай «со слоном»!

Юрий Владимирович помедлил немного.

– Для зачина вспомним Новый Завет, – начал он.

Профессор едва не поперхнулся.

– Вы же атеист, – просипел он.

– Безусловно, но меня интересуют вовсе не религиозные аспекты Евангелий, а личность Христа, – блеснул на него очками Андропов. – Если конкретно – его чудесные исцеления. Оставим в покое всю церковную чушь про непорочное зачатие, будем считать Иисуса обычным смертным. Просто примем во внимание, что он был наделен не совсем обычными способностями...

– Ах вот вы о чем... – протянул ученый, с удовольствием откусывая от конфеты и запивая чайком. Подумав, он сказал: – Лично я не считаю Христовы исцеления чудесами, за исключением воскрешения Лазаря. Оживить мертвого невозможно в принципе, это противоречит основополагающим законам термодинамики, которым подвластна вселенная. Хотя... Я сейчас подумал, что евангелисты в принципе не называли диагноз в своих писаниях, они просто упомянули, что Лазарь, замотанный в смертные пелены, сильно... Мм...

– Смердел, – любезно подсказал Сеницын.

– Вот! – вскинул палец Лягин. – Но умер ли он? Вполне могло быть, что Лазарь болел какой-то хворью, которой сопутствует зловоние. Тогда выходит, что Иисус просто оказал ему медпомощь. А то, что Христос изрек паралитику: «Встань и иди!» – или залечивал язвы, меня не удивляет – мы понятия не имеем, на что способны!

Председатель КГБ кивнул, соглашаясь. Тут подул сквозняком, и на пороге рабочего кабинета нарисовался генерал-лейтенант Иванов. В парадке, с солидной коллекцией орденов на груди, генлейт был орел. На войне он ловил и уничтожал немецких диверсантов, а в пятьдесят шестом умирал мятежников в Будапеште. Наверное, с тех самых пор Иванов и находился у Андропова на доверии. Дважды генерал-лейтенант побывал в шкуре резидента в Нью-Йорке, а ныне курировал 2-ю службу¹⁰, как первый помощник начальника ПГУ.

Андропов развлекался, наблюдая, как профессора снова одолели прежние страхи.

– Здравия желаю, товарищ председатель Комитета государственной безопасности! – обратился Иванов по-строевому. – Вызывали?

– Садись, Борис Семеныч, присоединяйся к нашей теплой компании.

Иванов скользкой кошачьей походкой пересек кабинет и устроился рядом с Сеницыным, пожав тому руку, а Лягину холодно кивнул.

Василий молча занес четвертую кружку. Кивком поблагодарив капитана, генерал налил чаю и потянулся за конфетой.

– «Птичье молоко», – проворковал он плотоядно, – мои любимые...

Юрий Владимирович нетерпеливо улыбнулся и легонько шлепнул ладонью по столу.

– Продолжим. Вы дали подписку о неразглашении, Алексей Петрович, поэтому я поделюсь с вами некоторой информацией. Я не зря начал издали, буквально от Рождества Христова. Мы столкнулись с одним очень и очень непростым человеком. Он не враг нам, он наш, советский, но некоторых товарищей настораживает... Да что там, пугает его знание некоторых вещей сугубо секретного характера и даже событий, которые произойдут в будущем. Сам... мм... объект называет это свержением... Но давайте сосредоточимся на другом. Этот человек... назовем его... мм... Ну скажем, Целитель – наделен даром лечить даже самые опасные болезни.

– Ах вот оно что... – затянул Лягин и даже положил обратно в коробку выбранную конфету.

– Да. Вы, как я знаю, много лет занимаетесь исследованиями необыкновенных психологических явлений, изучали в свое время феномены Вольфа Мессинга и Нинель Кулагиной...

– Да, были схватки боевые... – задумчиво проговорил профессор. – Лет десять назад я затесался в компанию маститых академиков, жаждавших развенчать Нинель, уличить ее в шарлатанстве. В принципе им удалось опорочить эту женщину, виновную лишь в том, что владеет способностью двигать предметы силой мысли! Вопреки виденному своими глазами, даже вопреки киносъемке, академики упрямо твердили, что это все фокусы, что Нинель использовала какие-то нити... Чуть! – воскликнул он, разгорячившись. – Вместо того чтобы идти в наступление на неизведанное, они уходили в глухую оборону, вереща: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Между тем я сам снимал показания приборов, кото-

¹⁰ 2 – я с л у ж б а – управление «К» и географические отделы по Западному полушарию (1-й и 2-й).

рые регистрировали сильное электрическое поле вокруг рук Кулагиной, а чувствительный микрофон, установленный напротив ее ладоней, фиксировал короткие ультразвуковые импульсы!

– Очень, очень интересно, – оживился Андропов. – А что вы скажете об остановке инфаркта? О расширении коронарных сосудов и ликвидации атеросклеротических бляшек? О заращивании сквозной раны в бедре, повредившей артерию? Об излечении подагры и... как его... бипареза? Попросту говоря, паралича обеих ног?

– И все эти чудеса явил ваш Целитель? – с затаенным чувством спросил Лягин.

– Если бы чудеса! – фыркнул Андропов. – Тогда бы я сюда, пожалуй, попа пригласил! Но это все реальные случаи, а больных Целитель лечил наложением рук.

– Кстати, сам он утверждает, – подал голос Иванов, – что врожденные способности ему помог развивать филиппинский хилер.

– Ах хилер... – затянул профессор, с энтузиазмом подхватывая: – Вы знаете, это очень, очень интересная тема, но как же тут журналисты подгадили! Развели нездоровый ажиотаж, понаписали всякой ерунды – и сотни шарлатанов тут же взялись дурачить людей, падких до всего экзотического и таинственного! Ныне не найдешь ни одного серьезного ученого, который согласился бы заниматься темой хилеров. А зря!

– Лет пять назад я побывал в заграникомандировке на Филиппинах, в Багио, – томным голосом заговорил Иванов. – Там я случайно пересекся с потомственным хилером Мануэлем Терте и... знаете, был весьма впечатлен. Мануэль принимал больных по часу в день, дольше не мог – вроде как сил не хватало. Правда, на каждую операцию Терте затрачивал минуту, максимум две. Он с ходу определял, что там у посетителя не в порядке, и тыкал пальцем: лежачему – на кушетку, ходячему – на стул. Помню, как Терте лечил аппендицит. Больной ложится, задирает рубаху, а Мануэль ему живот гладит. Ладонью трет, пальцами перебирает... А потом – раз! – и сует руку в складку! И сразу кровь! Я, помню, даже со стула привстал. Слышу, такие чавкающие, хлопающие звуки, лицо у Терте совсем бледным стало – и тут он вытягивает, как бы из живота пациента, маленький окровавленный кусочек. Небрежно так швыряет этот ошметок в ведро, берет салфетку, макает в кокосовое масло, протирает, так сказать, операционное поле... И все!

– И ты веришь, что хилер действительно удалил аппендикс? – удивился председатель КГБ.

– Ну, не знаю... – сказал Иванов, шепетно беря сушку.

– Да при чем тут вера! – воскликнул Лягин. – Это был невинный обман! Подчеркиваю – невинный! Ведь на прием к хилеру приходят бедняки-крестьяне, они необразованны, да еще и католики, но по природе своей материалисты, как все деревенские. Им нужно до-ка-за-тельство исцеления! И вот больной видит кровь, видит удаленную опухоль или грыжу. Все, теперь он спокоен! На самом-то деле Терте показывал несложный фокус, пряча в руке пакетик с кровью и каким-нибудь огрызком, но дело-то не в этом. Мануэль действительно исцелял! Ведь аппендикс – очень нужная штука. Человеческий кишечник не способен полностью переваривать пищу без полезных бактерий, мы с ними в симбиозе. Наша микрофлора за многое в ответе, и тут любые нарушения, скажем после поноса или приема антибиотиков, грозят серьезными последствиями, вплоть до депрессии и прочих опасных недугов. Так вот, аппендикс – это как бы убежище для наших «родных» микробов. Человек выздоравливает после расстройства желудка, и его микрофлора снова размножается, выходя из аппендикса. Зачем же его удалять? Вот хилер и не вредит организму, а лечит его, помогает справиться с болезнью! Кстати, американцы нашли очень точный термин для хилера – психохирург.

– Годится, – подумав, кивнул Андропов. – Следовательно, вы можете ручаться, что врачевание у тех же хилеров вполне материально?

– Да, – твердо сказал профессор.

– И никакого отношения к божественному не имеет?

Ученый посмотрел на председателя КГБ с укоризной.

– Бога нет! – сказал он наставительно.

– Аминь! – улыбнулся Юрий Владимирович. – Но, в таком случае, какова, по-вашему, природа той силы или энергии, которую Целитель применяет?

– А вот тут в наших знаниях пробел! – развел руками Лягин. – Знаете, где исследовали Кулагину? В Институте радиотехники и электроники!

– Да, – кивнул Сеницын, – вы еще упомянули про показания приборов...

– Да какие там показания! – досадливо отмахнулся ученый. – Наши светила убеждены, что во вселенной действует исключительно электромагнитная энергия, только в разных проявлениях, но энергия мозга, я глубоко убежден в этом, имеет совсем иную природу! Ее не измеришь вольтметром или даже наисложнейшим детектором субатомных частиц. Я полагаю, что человеческий мозг излучает особое поле, назовем его психодинамическим... Только, пожалуйста, – профессор прижал пятерню к сердцу, – пусть эти мои гипотезы не покинут вашего кабинета! На меня и так косо посматривают за увлечение парапсихологией! Пока что это воспринимается как безобидное чудачество, но если меня поймут на том, что я серьезно разрабатываю данную тему, то... – Лягин покачал головой. – Репутация – это такая штука... Подмочить ее легче легкого, а вот «высушить» – нереально!

– Мы ничего никому не скажем, – заверил профессора Иванов. – Честное чекистское!

Профессор боязливо посмотрел на него, вздохнул и продолжил, вплетая в речь ворчливые интонации, словно смущаясь:

– Можно предположить, что психодинамическое поле генерируется в коре или в подкорке, но вот доказать это сложно – нужные приборы отсутствуют, и хоть как-то зафиксировать частицы или кванты таинственной энергии мозга мы не в состоянии. Но именно она делает возможным чтение мыслей, телекинез или гипноз!

– Позвольте, – перебил его Сеницын, – но гипноз можно объяснить и простым внушением, не привлекая... э-э... психодинамику.

– Да ну?! – завелся Лягин. – И где же здесь наука? Внушение – это сплошное шаманство, глупый идеализм, наивная вера в заклинания! Как было бы просто лечить бессонницу – записал на магнитофон монотонную болтовню гипнотизера, прослушал – и заснул. Любой из нас способен совершать пассы руками, бормотать: «Спа-ать... Спа-ать...» или качать перед носом блестящую бронзулетку. А толку? Между тем сильному гипнотизеру вовсе не нужно тратить много времени на внушение, ему достаточно приказать: «Спать!» – и вы засыпаете. Но слово это – не заклинание, оно всего лишь сопровождает мгновенное усилие воли гипнотизера. И что же происходит в этот момент? Думаю, что психодинамическое поле «внушателя» каким-то образом вступает в резонанс с мозгом внушаемого или модулирует его, подчиняя и заставляя делать то, что велит гипнотизер.

– Ну-у... да, – неохотно согласился Игорь Елисеевич, – это куда ближе к физике.

– Очень интересно и выглядит вполне правдоподобно, – согласился Андропов. – Хорошо, допустим, что ваша теория...

– Гипотеза! – поправил его Лягин.

– ... Что ваша гипотеза верна, и Целитель лечит руками с помощью... мм... ну, скажем, психодинамической эмиссии. Оставим в покое телепатию с телекинезом, сосредоточимся на предсказаниях будущего. В октябре Целитель назвал точное число мест, которые займет... определенная партия в одном западном парламенте, за четыре дня до выборов. По-вашему, такое возможно?

Профессор задумался.

– Понимаете... – затянул он. – Предсказать будущее очень и очень сложно. Вот... Вы играете в бильярд?

– Немножко.

– Вот и представьте себе, что бьете кием по шару. Куда он покатится? Тут сразу начинает действовать множество факторов, действующих вместе и попеременно: ворсистость ткани на столе, форма кия, глазомер, вес шара, сила удара... Десятки, сотни параметров! Вычислить, куда угодит шар, оперируя всеми данными, еще можно, а вот точно сказать, кто победит в игре, не получится – количество факторов станет просто неисчислимым. Ведь надо будет учесть колоссальное множество случайностей! Игрок отвлекся на мгновение, глянув на красивую девушку, или у него вдруг зверски зачесался глаз, или он вспомнил неожиданно, что забыл позвонить жене... И чем дальше в будущее, тем больше этих случайных событий. Мало того, они еще и взаимодействуют, интерферируют, усиливаясь или слабея, сливаясь или разделяясь!

– Но предсказание-то было! – с силой сказал председатель КГБ. – Вряд ли тут случайное совпадение!

– Исключено, – твердо заявил профессор, – вероятность совпадения близка к нулю. Проще, мне кажется, самому отправиться в будущее, чем предсказать его!

– Как-как? – напряженным голосом спросил Сеницын.

Рассеянно глянув на него, Лягин вновь повернулся к хозяину кабинета.

– Прошлым летом Сережка... внук мой, – повел он рассказ, – оставил на даче книжку. Там было про пионера, который вдруг перенесся в XVII век и оказался в плену у пиратов. Я уже не помню, чем там все закончилось, главное – сама идея! Из будущего – в прошлое, зная, что было и как станет. Помните, фильм был хороший, «Иван Васильевич меняет профессию»?

– Помним, – кивнул Иванов. – А я как-то тоже одну книжку прочел, «Голубой человек» называется. Про то, как парень из пятидесят девятого года в прошлый век попадает, с Лениным встречается, ну и, само собой, делается революционером...

На минутку зависла тишина.

– Большое спасибо за консультацию, Алексей Петрович, – вежливо сказал Андропов, шлепнув ладонями по столу. – Простите, что отвлекли от дел.

– Да что вы! – воскликнул профессор. – Это вам спасибо!

– Нам-то за что? – улыбнулся Юрий Владимирович.

– За чай! Ну-у... – Ученый встал и затоптался, словно не будучи уверен, что его отпускают. – До свидания!

– До свидания, Алексей Петрович. И большая просьба – не болтать.

– Конечно-конечно!

Консультант вышел, тихонько прикрыв дверь за собой, а председатель КГБ оглядел товарищей.

– Мысли есть?

– Все эти пророки с ясновидцами для меня так же реальны, как Баба-Яга и Кощей Бессмертный, – негромко проговорил Игорь Елисеевич, вертя в пальцах ручку.

– Да уж! – хмыкнул Борис Семенович. – Такую тему разрабатывать надо лишь в детском возрасте! А вы помните, что Алон показал на допросе? Миха ему сгоряча назвал точное число ядерных зарядов у армии Израиля, характеристики ракет «Иерихон-1» и местоположение ракетных баз...

– И что? – прищурился Андропов.

Иванов флегматично пожал плечами, вычлняя главное:

– Просто я подумал, что мы ныне неплохо осведомлены о том, что творилось в Лос-Аламосе лет двадцать назад, сколько тогда у американцев было атомных бомб и какие наши города эти придурки хотели разбомбить...

– А двадцать лет спустя, – подхватил Сеницын, – перестанет быть тайной ядерный проект Израиля!

Все трое переглянулись, и председатель КГБ медленно проговорил:

– Я знаю, какая версия вам нравится больше прочих, но отработать надо все, даже самые дурацкие. Пока что я не докладывал об операции «Хилер» наверх и знают о ней немногие. Даже в Комитете партийного контроля еще ни о чем не пронюхали. Вам я доверяю больше других, товарищи, знаю, что не подведете. – Помолчав, посмотрев на подтянувшихся Иванова с Синицыным, он жестко закончил: – Работаем!

Понедельник, 6 января 1975 года, день Москва, ВДНХ

Прохаживаясь по Центральному павильону в расстегнутой куртке, чтобы всем было видно, я получал удовольствие... хоть и краснел со стыда. На моем пиджаке тускло отсвечивал знак «Лауреат НТТМ», а рядом ярко сияла золотая медаль «За успехи в народном хозяйстве СССР». Правда, на обороте гравер вывел «Юный участник ВДНХ», и муаровая ленточка была не красной, а синей, но почета с уважением я огреб как взрослый. Именно славы и стыдился – щеки мои горели, а уши пылали. Хорошо еще, под шапочкой их не видно, а то адели бы, как надранные...

Я бродил по гулкому «Залу науки», делая вид, что не замечаю любопытных взглядов. Стреляли глазками студентки в негреющих шубках на искусственном меху, пробегала шумная детвора, догуливающая каникулы и с упоением поедая мороженое.

После награждения нас тут много собралось, участников главной выставки СССР – лица у всех одухотворенные, словно осенены полощущими флагами и стягами.

Седые кавалеры медалей ВДНХ, иные со значками лауреатов Ленинских и Госпремий, поглядывали на меня одобрительно, объясняя мой румянец понятным волнением. Не буду же я им растолковывать, что «успехи в программировании ЭВМ» присвоены мной? Что истинные создатели программ и утилит, которые я выдал за свои, еще даже не приступали к работе? Просто мне, нахальному попаданцу, удалось попользоваться результатами их будущих трудов...

Разумеется, я не сознавался, хотя и врать о том, как меня совесть мучила, тоже не стоит. Честно говоря, мне было очень приятно! Стяжал интеллектуальную собственность? Ага, и еще не раз стяжаю, потому как средства нужны для достижения цели. А уж она их оправдает...

В павильоне «Вычислительная техника» народу прибавилось – на выделенном мне стенде стояли уже две микроЭВМ «Коминтерн-1». Слинковав их, я запустил электронную почту между компами, и посетители чатились напропалую, радуясь, как дети, всплывающим сообщениям: «Вам письмо!»

Программе mail уже четыре годика, и первое электронное письмо отправил вовсе не я, а Рэй Томлинсон из Массачусетского технологического, чем сразу поднял рейтинг МИТа. Но до широкой публики прогрессу еще долго добираться, даже королева Елизавета отпишет по «мылу» лишь год спустя.

– Уж не достойнейшего ли отпрыска Петра Семеновича Гарина имею счастье лицезреть? – в лучших традициях восточной куртуазности пророкотал у меня за спиной сочный баритон.

Я повернулся, словно по команде «кругом!», и увидел плотного чернявого мужчину в строгой паре. Это был Юдицкий, главный конструктор советской суперЭВМ 5Э53 – я помнил его фото в интернете. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: передо мной стоит человек себе на уме. Обычно замкнутый, порою Давлет Исламович проявлял осторожную открытость, и тогда его лицо с тонкими азиатскими чертами приобретало чуть напряженное выражение – вот, как сейчас.

– Вы не ошиблись, милостивый государь, – по-светски ответил я и отрекомендовался: – Михаил Петрович. Просто Миша.

Поправив большие очки, Юдицкий слегка смешался, но быстро вернул себе привычную невозмутимость.

– Давлет Исламович, – представился он.

– О-о! – сыграл я радость узнавания. – Можно сказать, мы заочно знакомы – отец частенько вспоминал о вас. И большое вам спасибо, Давлет Исламович, за процессор!

Юдицкий шуточно поклонился.

– А мы с Севой уже посидели за вашей машиной! – приподнято заговорил он, кивая на мужчину лет сорока, ерзавшего на стульчике перед «Коминтерном». Его окружали студенты, болея и наперебой советуя – Сева резался в «Тетрис». – Замечательный аппарат!

– Он станет замечательным, – понизил я градус, – но не раньше, чем вы сработаете проц... ну-у... хотя бы на двадцать тысяч транзиков. И еще бы памяти «Коминтерну» добавить, «метров» двести, для начала...

– Метров? – не понял Юдицкий.

– Мегабайт.

– Ого! – развеселился Давлет Исламович. – Ну у вас и запросики!

В это время распаренные студенты взвыли, оповещая о неудаче, и выселили проигравшего юзера с нагретого места. Отдуваясь, товарищ Юдицкого приблизился к нам, мгновенно сориентировался и с чувством пожал мне руку.

– Высший класс! – оценил он мои конструкторские способности. – Признаться, я даже не догадывался, что азартен! Ох, я же еще и не вежлив! Бурцев, Всеволод Сергеевич.

– Миша, – я пожал протянутую руку и хитро улыбнулся: – ИТМиВТ?¹¹

– Оттуда, оттуда! – рассмеялся Бурцев. – Директорствую на страх врагам.

– Еще бы на страх товарищам, – фыркнул Юдицкий.

Всеволод Сергеевич поскущел.

– Ваша реакция... – бережно заговорил я. – Она, случайно, не связана с проектом Единой системы ЭВМ?

– Дурацкая идея! Антисоветская! – сморщился Всеволод Сергеевич. – И не делай такие глаза, Давлет! Ведь и ежу понятно, что «сдирать» айбиэмовские наработки – путь в никуда. Самим надо делать! Думать своей головой! А ЕС ЭВМ – это тупик. Мы опять отстанем! Нет, ну как можно планировать на годы вперед производство одних и тех же машин?! Пока мы добьем «Ряд 1», на Западе сменится пара поколений тамошних компьютеров! Да, да, так и будет – цикл разработки ЭВМ занимает три года как минимум. Планируем регресс?!

– Келдыш горой стоит за «единку», – криво усмехнулся Давлет Исламович. – Унификация, дескать. Совместимость ЭВМ, и все такое. Экономия...

– Келдыш вычислил, сколько мы получим, – забрюзжал Бурцев, – а он, интересно, подсчитывал, сколько мы потеряем? Ведь кучу проектов по ЭВМ придется сворачивать – финансирование перекроют! Да мне в принципе грех жаловаться, институт на оборонку работает. Так за державу ж обидно! У нас и без того проблем – вагон и маленькая тележка. Вон, у химиков никак не допросимся нормальной пластмассы для микросхем. И качественного ферролака для накопителей не дождешься! Прецезионные подшипники – йок, высокоточные шаговые двигатели – йок, – ёрничал он, повторяя за Райкиным. – «Сыжу, куру...» А теперь еще и перспектива – йок! Здрате, приехали!

¹¹ Институт точной механики и вычислительной техники. «Ряд 1» – серия советских ЭВМ, являвшихся аналогами компьютера System/360 производства IBM.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.